

ДОКТОР БАРОНЕССА.

Мама для дочери Графа.

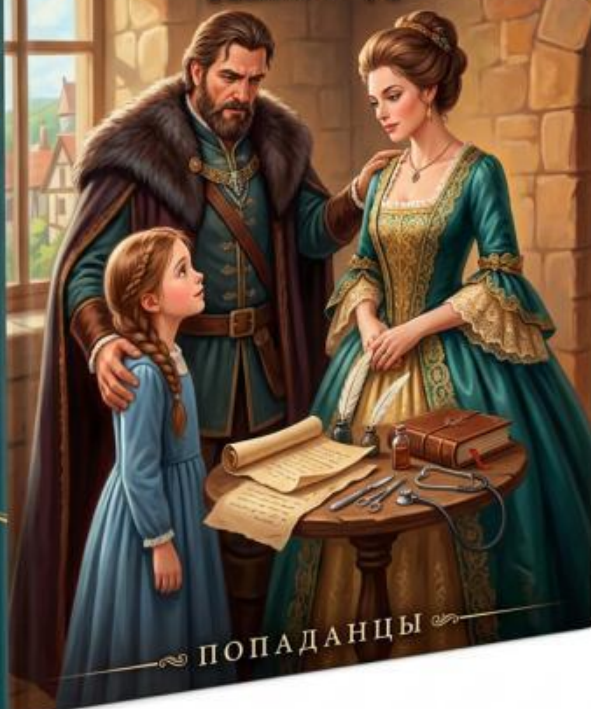
Ника Мур

НИКА МУР

ДОКТОР БАРОНЕССА.
Мама для дочери Графа.

попаданцы

ПОПАДАНЦЫ

Ника Мур

Доктор баронесса. Мама для дочери Графа.

<https://litres.ru/74469237>

Аннотация

— Ваша дочь безнадежна, милорд, — лекари разводили руками. — В неё вселился бес. Она просит странную еду, рисует желтых монстров и зовет какую-то «маму Валу». Граф Дариан Ройс, гроза Севера, в ярости смахнул кубки со стола: — Найдите мне ту вдову-знахарку с Юга! Говорят, она режет плоть, чтобы вернуть дыхание, и спорит со смертью. Если она не спасет мою наследницу — я сровняю её замок с землей!

В один вечер моя жизнь превратилась в пепел: измена мужа, визг тормозов на ночной трассе и темнота. Я очнулась в теле разоренной баронессы в мире, где медицина — это молитвы и грязь. Я потеряла всё, но самое страшное — я потеряла свою восьмилетнюю Ксюшу.

Пока я по крупицам восстанавливаю замок и шью раны крестьянам кухонным ножом, я не знаю главного. Моя дочь жива. Но теперь она — леди Кассия, единственная радость сурового графа в далекой северной провинции.

Судьба столкнет нас снова. Мне придется стать врачом при дворе человека, который не знает жалости. Смогу ли я узнать

свою девочку в чужом теле? И как не отдать свое сердце тому, кто привык брать всё силой?

В тексте вас ждут: ✓ Сильная героиня — хирург-педиатр, которая не пасует перед трудностями; ✓ Властный и харизматичный герой — суровый снаружи, но готовый на всё ради семьи. (Путь от ненависти до любви) ✓ Трогательная встреча — мать и дочь в новом мире (приготовьте платочки!); ✓ Бытовое фэнтези и медицина — спасение жизней, обустройство быта и прогрессорство; ✓ Наказание для виновных — справедливость восторжествует; ✓ Обязательный Хэппи Энд!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5(Дариан)	34
Глава 6	41
Глава 7	49
Глава 8	55
Глава 9	61
Глава 10	69
Глава 11	77
Глава 12	85
Глава 13	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Глава 1

Запах хирургического мыла и антисептика — мой вечный парфюм. Сколько бы я ни терла руки щеткой, он въелся под ногти, в поры, кажется, в самую ДНК. Сорок минут назад я вышла из операционной, где зашивала крошечное, размером с кулачок, сердце четырехлетнего мальчика. Мальчик будет жить. А я... я просто хотела доползти до кровати.

В супермаркете у дома я купила бутылку дорогого красного сухого и букет тяжелых, пахнущих весной лилий. Сама себе. Потому что знала: Игорь забыл. Десять лет со дня свадьбы для моего мужа — величина незначительная, погрешность в его плотном графике «очень занятого человека».

Ключ в замке повернулся с мягким щелчком. В прихожей было непривычно тихо, только гудел холодильник да капал кран на кухне. Я скинула туфли, чувствуя, как гудят натруженные стопы. И тут мой взгляд упал на вешалку.

Рядом с тяжелым кашемировым пальто Игоря висело ярко-красное нечто. Короткое, вызывающее, отороченное искусственным мехом. Пальто-крик. Пальто-вызов. Оно пахло приторно-сладкими духами, от которых у меня, как у врача, сразу заныли виски. У нас в отделении такие ароматы под запретом — у детей от них начинается мигрень.

Я не стала вызывать полицию или устраивать сцену с битьем посуды. Внутри меня включился «режим хирурга»: хо-

лодный расчет, анализ тканей, отсечение лишнего. Я прошла в спальню.

Дверь была приоткрыта. На нашей кровати — той самой, которую мы выбирали вместе, обсуждая жесткость матраса — Игорь спал, обняв свою ординаторшу Алину. Ту самую Алину, которая еще утром заглядывала мне в рот на обходе и записывала каждое мое слово в блокнот.

Я стояла и смотрела на них. Ни слез, ни крика. Только странное чувство брезгливости, будто я случайно наступила в гнойную рану без перчаток. Игорь открыл глаза первым. В его взгляде не было раскаяния — только животный страх пойманного за воровством мелкого воришки, а потом — глухое раздражение.

— Валя? Ты же сказала, что задержишься на дежурстве... — он сел, нелепо прикрываясь одеялом.

Алина вскочила, судорожно ища одежду, красная как ее пальто.

— Я закончила раньше, — мой голос прозвучал удивительно ровно, как метроном. — У тебя есть пять минут, чтобы она исчезла из моей квартиры и я забыла твое имя.

— Валь, не начинай, — Игорь попытался включить своего привычного «обаятельного манипулятора». — Ты вечно на работе, ты холодная, как скальпель. Женщине нужно внимание, а ты... ты только о своих пациентах и думаешь.

— Не смей, — я оборвала его коротким жестом. — Не смей оправдывать свою низость моей профессией.

Я сняла обручальное кольцо. Оно соскользнуло легко — за последние полгода я сильно похудела. Я подошла к комоду, где оставила принесенное вино, и бросила золото в бокал. Раздался тихий, окончательный «дзынь».

— Убирайся, Игорь. Ксюша спит в детской, и я не хочу, чтобы она видела этот цирк.

— Это и мой дом тоже! — огрызнулся он, но в глаза не смотрел.

Я не стала спорить. Развернувшись, зашла в детскую и осторожно коснулась плеча восьмилетней дочери. Ксюша — мое маленькое отражение, с такими же непокорными русыми вихрами и серьезным взглядом.

— Мышонок, вставай. Нам нужно уехать. К бабушке.

— Прямо сейчас? — она потерла глаза кулачком, обнимая своего потертого плюшевого зайца. — Мам, а папа? Папа нас догонит?

— Нет, солнышко. Папа остался в другой жизни. Одевайся.

Через десять минут мы уже были в машине. На город опустилась метель — злая, колючая, типично питерская. Дворники с трудом справлялись с налипающим снегом. Я вела машину, вцепившись в руль так, что побелели костяшки пальцев. Внутри меня что-то умирало — медленно и мучительно, слой за слоем. Десять лет жизни. Все наши планы, поездки, общие шутки — всё это оказалось дешевой декорацией. Некрозом, который я слишком долго принимала за здоровую

ткань.

— Мам, мне холодно, — прошептала Ксюша с заднего сиденья.

— Потерпи, родная. Скоро будем у бабушки, там тепло. Дорога за городом превратилась в белое ничто. Фары выхватывали только танцующие снежинки. Я старалась дышать глубоко, успокаивая колотящееся сердце. «Вдох — на четыре счета, выдох — на восемь», — учила я своих интернов перед их первой операцией.

Внезапно из этой белой пелены прямо на нас вынырнули две ослепительные точки. Грузовик. Его занесло на обледенелой трассе, огромную фуру разворачивало поперек дороги, как неповоротливого кита.

Визг тормозов. Визг, который, казалось, расколол само небо.

Я инстинктивно, на одних рефлексах, бросила правую руку назад, пытаюсь закрыть Ксюшу, прижать ее к сиденью.

— Ксюша, держись! — крикнула я, и мой собственный голос показался мне чужим, доносящимся из-под воды.

Мир взорвался. Скрежет металла, звон бьющегося стекла — оно разлеталось на тысячи бриллиантовых осколков, которые в свете фар казались нереально красивыми. Сильный удар в висок. Боль была такой яркой, что на мгновение я ослепла. А потом пришла темнота. Абсолютная, густая, пахнущая гарью, бензином и... почему-то сушеной полынью.

Я не умерла. Но очень хотела.

Потому что первое, что я почувствовала, возвращаясь в сознание — это боль. Но не ту, резкую, от удара об руль. Это была другая боль. Тягучая, выворачивающая кости, пульсирующая внизу живота. Она накатывала волнами, и каждая следующая была сильнее предыдущей.

Я попыталась открыть глаза. Веки казались свинцовыми. В лицо ударил запах — тяжелый, липкий, смесь пота, старой крови и каких-то травяных настоев. Это был не запах больницы. Где стерильность? Где запах озона и спирта?

— Тужься, миледи! Да тужься же ты, во имя всех святых, иначе оба отправитесь к праотцам! — грубый, прокуренный женский голос над самым ухом заставил меня вздрогнуть.

Я попыталась вдохнуть, но легкие словно забило ватой. Жара. Удушливая, влажная жара. Я лежала не на сиденье машины и не на каталке скорой. Под спиной было что-то жесткое и колючее. Солома?

Я заставила свои глаза открыться.

Надо мной колыхался низкий потолок с почерневшими балками. Тусклый свет свечей плясал по стенам, выхватывая тени, похожие на корчащихся монстров. Прямо перед моим лицом склонилась женщина. Старая, с лицом, похожим на печеное яблоко, в грязном чепце и сером шерстяном платье. Ее руки... боже, ее руки были в крови по локоть. И на ней не было перчаток.

— Где... где я? — прохрипела я. Горло саднило, словно я наглоталась битого стекла. — Ксюша... где моя дочь?

— Бредит, бедняжка, — женщина обернулась к кому-то, кого я не видела. — Зовет кого-то. Хватай ее за руки, Марта, сейчас пойдет самая работа!

Меня схватили. Чьи-то сильные, мозолистые ладони прижали мои плечи к ложу. Я попыталась брыкнуться, но новая волна боли скрутила тело в дугу. Как врач, я поняла всё мгновенно. Это не травма. Это схватки. И они на пике.

«Этого не может быть, — билась в голове безумная мысль. — У меня не может быть родов. Я только что была в машине. Моей Ксюше восемь лет!»

Но тело не обманешь. Мой таз разрывало, матка сокращалась с чудовищной силой. Я чувствовала, как плод продвигается по родовым путям. Это было моё тело и не моё одновременно. Руки — слишком худые, бледные, с длинными, незнакомыми пальцами.

— Голова! Вижу голову! — закричала старуха. — Еще раз, Валери! Последний разочек!

Валери? Меня зовут Валентина. Валентина Сергеевна!

Я закричала. От боли, от ужаса, от осознания того, что мир сошел с ума. Я тужилась, потому что не могла иначе, потому что инстинкт выживания был сильнее разума.

Всплеск. Облегчение пришло внезапно, словно из меня выдернули раскаленный лом. Я упала на подушки, хватая ртом воздух. Тишина.

В нормальной операционной сейчас должен был раздаваться крик. Первый, злой, жизнеутверждающий крик младен-

ца. Но в этой душной комнате царило молчание, нарушаемое только треском свечей.

Старуха-повитуха что-то быстро делала, повернувшись ко мне спиной. Она не шлепала ребенка, не прочищала ему носик. Она просто... медленно опустила плечи.

— Мертв, — глухо сказала она. — Мальчик. Опять мертв. Барон не оставил наследника, упокой Господь его грешную душу.

Вторая женщина, та самая Марта, всхлипнула. Я видела ее мельком — крепкая, круглолицая, с добрыми глазами, полными слез. Она подошла ко мне и начала вытирать мой лоб мокрой тряпкой. От тряпки пахло кислым вином.

— Поспите, миледи. Поспите. Всё кончено. Ничего не поделаешь, видать, проклятье на роду Эвальдов...

Моё сознание начало уплывать. Кровопотеря. Я чувствовала, как подо мной растекается горячая лужа. Это плохо. Это маточное кровотечение. Мне нужны сокращающие, мне нужен лед, мне нужна капельница...

— Ксюша... — я из последних сил вцепилась в рукав Марты. Мой голос был едва слышным шепотом. — Спасите... мою... дочь...

— Бедная, — Марта заплакала в голос, прижимая мою голову к своей груди. — Совсем рассудком тронулась от горя. О мертворожденном плачет, своей доченькой его зовет... Спите, баронесса. Спите.

Я провалилась в темноту. Но это была не та пустая тем-

нота, что после аварии. Это был огненный колодец, полный боли и образов. Я видела летящий на меня грузовик, видела Игоря в объятиях Алины, и видела маленькую девочку в дорогом бархатном платье, которая стояла в лесу и звала: «Мама! Мама Валя, мне страшно!».

Я не знала, кто я теперь. Не знала, где я. Но одно я знала точно: если я в этом теле, если я дышу — я выгрызу у этого мира право жить. И я найду свою Ксюшу. Даже если мне придется перекроить этот средневековый кошмар по своим правилам.

Последнее, что я запомнила перед тем, как окончательно лишиться чувств — это холодный сквозняк из окна и далекий, тоскливый вой волка где-то в лесу.

Моя новая жизнь началась со смерти. Но я была врачом. А врачи никогда не сдаются без боя. Даже если смерть кажется окончательной.

Глава 2

В венах вместо крови будто текла ледяная крошка. Она колола изнутри, заставляла пальцы неметь, а сердце — толкаться в ребра рваными, неуверенными толчками. Вдох. Короткий, судорожный, как у выброшенной на берег рыбы. Выдох — со свистом, сквозь плотно сжатые зубы.

Я открыла глаза, ожидая увидеть белизну потолка реанимации или хотя бы яркий свет операционных ламп. Вместо этого в зрачки ударил неверный, дрожащий свет сальной свечи. Он не освещал, а лишь размазывал тени по стенам, превращая углы в глубокие, бездонные провалы.

— Очнулась... Жива, касатка! — голос Марты прозвучал как скрежет железа по камню.

Я попыталась повернуть голову. Шея казалась сделанной из хрупкого стекла, которое вот-вот рассыплется. Взгляд сфокусировался не сразу. Перед глазами плыли серые пятна — типичная «сетка» при резком падении давления. Мозг, обученный годами практики, выдал сухой отчет: геморрагический шок, кровопотеря не меньше полутора литров, гипоксия мозга.

Где мониторы? Почему я не слышу мерного «пип-пип», которое должно отсчитывать мою жизнь? Где шипение кислородной маски?

— Реанимация... — прохрипела я, и мой голос утонул в

тяжелом, влажном кашле. — Где дежурный... врач? Кровь... группу... первую отрицательную...

— Опять бесовщину лопочет, — Марта перекрестилась, и я услышала, как зашуршало ее грубое платье. — Нету тут врачейвателей, миледи Валери. Только я да Божья милость. Потерпите, сейчас травушки подействуют.

Она поднесла к моим губам какую-то кружку. Запахло чем-то кислым, забродившим и приторно-сладким одновременно. Уксус? Вино? Какая-то ядовитая смесь, которую в моем мире не рискнули бы вылить даже в канализацию.

— Нельзя... — я из последних сил оттолкнула ее руку. Мои пальцы, тонкие и неестественно бледные, дрожали. — Вызовите... скорую... Ксюша...

Ксюша.

Имя дочери ударило в мозг мощнее любого дефибриллятора. Вспышка боли — не физической, а той, что рвет душу — заставила меня вскинуться на локтях. Металл машины. Визг тормозов. Стеклянная пыль в воздухе. Ксюша на заднем сиденье!

— Где моя дочь?! — мой крик перешел в хриплый стон. — Где она?! Она была со мной в машине!

Марта отшатнулась, едва не выронив кружку. Ее глаза, окруженные сетью глубоких морщин, наполнились неподдельным ужасом и жалостью.

— Да какая машина, господь с вами, миледи? — она потянулась ко мне, пытаясь уложить обратно на вонючую со-

лому, прикрытую рваной простыней. — Нету никакой Ксюши. О сыночке вы своим кричите, о наследнике... Да нету его больше. Ушел ангелочек, не успев и вздоха сделать.

Я замерла. Взгляд упал на край кровати — или того деревянного настила, на котором я лежала. Там, в тени, стояла корзина. Марта быстро накрыла её каким-то серым тряпьем, но я успела увидеть. Маленькое, синюшное тельце. Крошечная рука, безвольно свисающая вниз.

Педиатр внутри меня закричал: «Асфиксия! Очистить пути! Искусственное дыхание!». Я рванулась к этой корзине, забыв, что моё собственное тело — лишь пустая оболочка, из которой почти вытекла жизнь.

Боль.

Она пришла не сразу, а затаилась, чтобы ударить в самый неподходящий момент. Резкая, режущая судорогой внизу живота. Матка не сокращалась — я чувствовала это почти физически, как врач чувствует атонию при пальпации. Кровь продолжала уходить.

Я упала обратно, и мир вокруг начал медленно вращаться, как карусель в парке аттракционов. Балки на потолке, тени, лицо Марты — всё слилось в одну серую массу.

— Ксюша... — слезы обожгли щеки. Они были горячими, единственным живым в этом холодном склепе. — Моя девочка... она же... там...

— Ш-ш-ш, — Марта прижала влажную тряпку к моему лбу. Тряпка была грязной, от нее пахло речной тиной, но хо-

лод на мгновение привел меня в чувство. — Назовите его Ксюшей, если сердце просит. Мы его завтра за часовней прикапавем, под старой ивой. Пусть Ксюшей будет, коли вам так легче.

Я хотела закричать, что Ксюша — это не этот несчастный мертвый мальчик. Что Ксюша — это светлая девочка с задорными косичками, которая должна сейчас ехать к бабушке, а не лежать в сырой земле за какой-то часовней. Но сил не было. Горло сковал спазм.

Я подняла руку. Свою руку.

В свете догорающей свечи кожа казалась прозрачной, как пергамент. Под ней отчетливо синели вены. Но это были не мои руки. На указательном пальце красовался золотой перстень с тусклым рубином — тяжелый, массивный, совершенно чужой. Мои пальцы были короче, костяшки — грубее от постоянной работы в перчатках. На запястье не было привычного следа от ремешка часов.

Осознание прошило мозг ледяной иглой.

Это не сон. Это не коматозный бред после аварии.

Я — врач. Я знаю, как работает мозг при галлюцинациях. Но тактильные ощущения были слишком реальными. Колючая солома под спиной, вонь немытого тела, вкус крови во рту — галлюцинации не бывают такими многослойными.

Я в другом теле. В другом времени. А моя дочь...

Я зажмурилась, пытаюсь воскресить в памяти последние секунды перед ударом. Свет фар. Визг. Моя рука, тянущаяся

к ней.

«Ксюша, если я здесь... если я в этой баронессе... то где ты?» — эта мысль была такой страшной, что я едва не потеряла сознание снова.

— Кровь не уходит, — пробормотала Марта, заглядывая под простыню. Ее голос дрожал от страха. — Ох, миледи, не жилец вы. Барон Эвальд на том свете заждался, видать. Не дотянете до рассвета.

Я открыла глаза и посмотрела прямо на неё. Марта вздрогнула. В моем взгляде сейчас не было баронессы Валери, тихой и, судя по всему, забитой женщины. В нем была Валентина Сергеевна, ведущий хирург, которая не раз вырывала пациентов из лап костлявой в ситуациях и похуже.

— Жить... — прохрипела я. — Я... буду... жить.

— Как же вы будете, касатка, если из вас жизнь ручьем бежит? — Марта всхлипнула. — Я и заговоры читала, и крапиву прикладывала... Не помогают боги-то.

Крапива. Заговоры. Твою мать.

Я попыталась сжать кулаки. Если я умру сейчас, Ксюша останется одна. Там, на Земле, или здесь — неважно. Я — ее единственная опора. Я не имею права сдыхать в этой яме из соломы и дерьма.

— Марта... слушай меня... — я схватила её за запястье. Моя хватка была слабой, но Марта застыла, пораженная силой, которая вдруг прорезалась в моем голосе. — Холод... неси лед... или воду из колодца... холодную...

— Зачем, миледи? Простудитесь же совсем!

— Неси! — я почти сорвалась на крик, который тут же перешел в сипение. — Живот... дави... на живот...

Я показала слабеющей рукой на область над лобком. Марта. Ее нужно было заставить сократиться. Если я не остановлю кровотечение сама, механически, через пару часов меня можно будет выносить.

Марта смотрела на меня как на сумасшедшую.

— Дави... сильно... — я закрыла глаза, концентрируюсь на остатках сил.

Она начала давить. Неумело, боязливо. Боль была такой, что в глазах заплясали кровавые искры. Я закусила губу до крови, чтобы не закричать.

«Ксюша, ради тебя. Только ради тебя», — повторяла я про себя, как мантру.

Мир вокруг начал тускнеть. Свеча на столе окончательно догорела, оставив после себя лишь вонючую струйку дыма. В комнате воцарился серый, предрассветный полумрак. Стало невыносимо холодно. Я чувствовала, как с каждым ударом сердца жизнь по капле покидает меня, вытекая из обескровленного тела баронессы.

Марта что-то причитала, ее голос доносился до меня словно сквозь толщу воды.

Я видела Ксюшу. Она стояла в конце длинного, белого коридора. На ней было то самое белое платье с синими незабудками, которое мы купили ей на день рождения. Она ма-

хала мне рукой и улыбалась.

— Мама, иди сюда! — звала она. — Здесь не больно!

— Нет, — прошептала я побелевшими губами. — Нет, Ксюша. Не уходи. Я... я приду за тобой. Подожди...

Тьма накрыла меня окончательно. Но перед тем, как окончательно провалиться в забытие, я почувствовала странный толчок в животе. Матка сократилась. Твердый комок под рукой Марты.

Шанс. У меня появился призрачный, один из тысячи, шанс дожить до следующего вечера.

И я вцепилась в него мертвой хваткой хирурга, который никогда не признает поражения, пока сердце пациента делает хотя бы один, самый слабый толчок.

Я приду за тобой, дочка. Где бы ты ни была. В этом мире или в моем — я тебя найду. Только дождись.

С этой мыслью я провалилась в тяжелый, пахнувший пылью и кровью сон, не зная, что в этот самый момент в далеком северном замке другая маленькая девочка открыла глаза и позвала свою маму на языке, которого никто в этом мире не понимал.

Глава 3

Серый рассвет просачивался сквозь узкое, похожее на бойницу окно, неохотно выхватывая из темноты очертания моей новой реальности. Холодный свет падал на гобелен, съеденный молю, где когда-то величественный олень теперь больше напоминал облезлую серую кляксу.

Я открыла глаза. Потолок не рухнул, мир не вернулся на круги своя, а моё тело всё ещё ощущалось чужим, неповоротливым и бесконечно слабым. Я лежала неподвижно, прислушиваясь к себе. Ритм сердца — частит, около ста ударов. Слизистые сухие. В горле — наждачная бумага. Классическая картина дегидратации после массивной кровопотери.

В голове было удивительно ясно, как это бывает у врачей после долгого дежурства, когда усталость переходит в стадию звенящей пустоты.

Я — Валентина. Хирург-педиатр. Я выжила в аварии на заснеженной трассе... или нет? Я здесь, в теле женщины, которую называют Валери. И я только что пережила роды, которые в моем мире называли бы средневековым кошмаром.

— Очнулась, слава заступникам... — дверь скрипнула, и в комнату вошла Марта.

В тусклом свете дня она выглядела еще старше. Глубокие морщины на лбу казались высеченными из камня, а в гла-

зах застыла такая вековая усталость, что мне на мгновение стало её жаль. Она несла надтреснутую миску, от которой поднимался жиденький пар. Овсянка на воде. Запах был не слишком аппетитным, но мой желудок отозвался болезненным спазмом.

— Пить... — выдавила я. Голос всё ещё больше походил на карканье старой вороны.

Марта ловко подсунула мне под спину свернутое тряпье, помогая приподняться. Каждый сантиметр движения отдавался тупой болью внизу живота. Она поднесла к моим губам кружку. Вода была ледяной, отдавала железом и сыростью, но для меня она сейчас была слаще любого элитного вина.

— Медленно, миледи, медленно, — приговаривала она, утирая мне подбородок краем своего передника. — Совсем вы прозрачная стали. Барон-то наш, кабы увидел, не признал бы.

При упоминании барона внутри что-то екнуло. Не любовь — тело Валери не отозвалось теплом. Скорее, глухая, привычная тревога.

— Рассказывай, Марта, — я откинулась на подушки, чувствуя, как по венам медленно поползла энергия от выпитой воды. — Всё рассказывай. Про замок. Про мужа. Ничего не таи.

Марта замерла, недоверчиво глядя на меня. Её пальцы судорожно теребили край передника.

— Да что ж рассказывать, миледи? Вы ж сами всё знаете.

Барон наш... — она замялась, отвела глаза к пыльному окну. — Неделю как прибрался. В городе это случилось. Говорят, засиделся у «веселых девок» в Веселом переулке. Вино-то нынче крепкое пошло, а сердце у Его милости завсегда пошаливало после попоек. Там и задохнулся, сердешный, прямо в объятиях какой-то рыжей бесстыдницы.

Я невольно усмехнулась. Сухая, злая усмешка хирурга, повидавшего всякое. Значит, и здесь сценарий один в один. Мой Игорь на Земле кувыркался с ординаторшей в нашей постели, а этот барон Эвальд сдох в борделе, пока его жена в муках пыталась сохранить его наследство.

Два мира — и две идентичные кучи дерьма под названием «семейная жизнь».

— А замок? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал твердо.

— А что замок... — Марта безнадежно махнула рукой. — Заложено всё, миледи. Барон-то любил погулять на широкую ногу. Слуги разбежались, как крысы с тонущего корыта, когда узнали, что жалованья не будет. Остались только я, хромой конюх Ганс да кухарка Берта, которой и идти-то некуда. Крыша в западном крыле течет, в подвалах вода. Шакалы уже воют под стенами, чуют, что хозяина нет, а хозяйка при смерти.

Я закрыла глаза. Нищета, разруха и статус вдовы без гроша в кармане. В средневековых реалиях это означало только одно: скоро придут кредиторы или «добрые» родственники,

чтобы выкинуть меня на мороз.

— А ребенок? — я задала этот вопрос, хотя знала ответ. Мне нужно было услышать его вслух.

Марта всхлипнула.

— Прикопали мы его, миледи. Как вы и просили в бреду... Ксюшей назвали. Под старой ивой, у ручья. Крохотный совсем был, синий... Видать, не судьба роду Эвальдов продолжиться.

Имя «Ксюша» ударило под дых. Моя дочь. Моя настоящая, живая Ксюша с ее смехом, вечно сбитыми коленками и запахом молочной каши по утрам. Она осталась там, в раздавленной всмятку машине. Или её душа, как и моя, сейчас мечется где-то между мирами?

Горе накрыло меня тяжелой, душной плитой. Мне захотелось просто перестать дышать. Закрыть глаза и уйти вслед за ней. Зачем бороться? Ради чего? Чтобы выживать в этом клоповнике, латать крыши и дрожать от холода? Здесь нет антибиотиков, нет реанимации, нет будущего.

«Я просто хочу к ней», — подумала я, и по щекам потекли первые за всё это время слезы. Тихие, горькие.

Я пролежала так несколько часов, глядя на пятно плесени на стене. Апатия — страшная штука. В медицине мы называем это «отказом от борьбы». Когда пациент перестает хотеть жить, никакие лекарства не помогут. Я была таким пациентом.

Но к вечеру пришел другой гость.

Сначала меня затрясло. Озноб был такой силы, что зубы выбивали дробь. Я куталась в вонючее одеяло, но не могла согреться. А потом навалился жар. Кожа стала сухой и горячей, словно под ней развели костер.

Я нащупала свой пульс. Частый, нитевидный. Боль внизу живота, до этого тупая, стала острой, пульсирующей. Она отзывалась в пояснице, простреливала в ноги.

Я принялась. Специфический, тошнотворно-сладковатый запах. Запах гниения. Запах смерти.

— Послеродовой сепсис, — прошептала я сухими губами.
— Родовая горячка.

В этом мире от нее умирали в девяноста случаях из ста. Инфекция уже пошла в кровь. У меня было от силы два-три дня, прежде чем начнется полиорганная недостаточность и я впаду в кому.

Марта суежилась рядом, прикладывая к моему лбу какие-то вонючие тряпки, смоченные в травяном отваре.

— Заступница пресветлая, помоги... — шептала она. — Совсем девка сгорает.

Я смотрела на её дрожащие руки и вдруг отчетливо увидела лицо Алины. Той самой ординаторши. Она улыбалась Игорю. Я видела, как они тратят мою страховку, как Игорь продает мою квартиру, как он стирает память о нас с Ксюшей, словно нас никогда не было. Если я сдохну здесь, в этой грязной соломе, он победит.

Он останется в шоколаде, а я исчезну в безымянной мо-

гиле под чужим именем.

«Нет», — внутри меня что-то хрустнуло. Старая Валентина, которая умела только страдать и прощать, рассыпалась в прах. На её месте проснулся Хирург. Существо, которое привыкло бороться за каждый миллиметр живой ткани. Существо, которое не верит в судьбу, а верит в протокол и волю.

Если я здесь — значит, это зачем-то нужно. Если Ксюша... если есть хоть один шанс из миллиарда, что она тоже попала сюда, я не имею права умирать. Кто спасет её, если не я? Кто защитит её в этом диком мире?

Гнев — отличное топливо. Он лучше любого адреналина ударил по надпочечникам.

Я вспомнила Ксюшу в белом платье. Она не уходила. Она стояла в тумане и звала. И в этом зове не было прощания. В нем был приказ.

«Мама, вставай!»

— Марта! — я попыталась сесть, и комната качнулась, угрожая опрокинуться.

— Ох, миледи, лежите, лежите... — Марта бросилась ко мне, пытаясь удержать.

— Молчать! — мой голос прозвучал неожиданно хрипло и властно. Баронесса Валери так никогда не разговаривала. Марта застыла, выпучив глаза. — Слушай меня внимательно. Если хочешь, чтобы я выжила, забудь про свои заговоры и молитвы. У нас мало времени.

Я вцепилась в её плечо. Пальцы баронессы были слабыми, но мой взгляд пригвоздил женщину к месту.

— Инфекция внутри меня. Она ест меня заживо. Мне нужно промыть рану. Мне нужно выжечь эту дрянь.

— Но лекарь приедет только через два дня из города... — пролепетала она. — Да и денег у нас...

— Я сама себе лекарь! — я едва не зарычала. — Неси всё вино, что осталось в подвалах. Самое крепкое. Неси чистую воду. Много воды. И разожги огонь. Нам нужно много кипятка.

Я видела, как Марта колеблется. Для неё я была безумной, умирающей женщиной.

— Если ты этого не сделаешь, я умру к рассвету, — я понизила голос до ледяного шепота. — И ты останешься одна в этом замке, когда сюда придут кредиторы. Ты этого хочешь?

Марта сглотнула. В её глазах отразился первобытный страх перед этой новой, пугающей хозяйкой, но страх перед голодной смертью оказался сильнее.

— Я... я сейчас, миледи. Всё сделаю. Ганса кликну, воды натаскаем...

Она выскочила из комнаты.

Я откинулась на подушки, тяжело дыша. Пот катился по лицу градом. Режим «Терминатора» был включен. Я не знала, получится ли у меня. У меня не было скальпеля, не было антибиотиков, не было стерильных условий.

Но у меня было знание. И у меня была ярость.

Я выживу. Назло Игорю, назло барону, назло самой смерти. Потому что где-то в этом мире или в другом моя дочь ждет, когда мама придет за ней. И я приду. Даже если мне придется перекроить саму преисподнюю.

— Ну что, костлявая, — прошептала я, глядя в темный угол комнаты, где, казалось, сгустились тени. — Повоюем?

Жар нарастал, но теперь это был не огонь болезни. Это был огонь воли. Первая битва за жизнь баронессы фон Эвальд начиналась. И проигрывать в мои планы не входило.

Глава 4

Тяжелые медные котлы звякнули о каменный пол, и по спальне поплыл густой, влажный пар. Марта ввалилась в комнату, покрасневшая, запыхавшаяся, с подолом, мокрым от выплеснувшейся воды. Следом за ней в дверях маячил Ганс — хромой конюх с вечно испуганным лицом. Он занес два пузатых кувшина с вином, опасливо косясь на меня, словно я могла в любой момент обратиться в оборотня.

— Оставь и уходи, Ганс! — скомандовала я, и голос мой, надтреснутый и хриплый, все же заставил его подпрыгнуть на месте.

Конюх исчез, едва не прищемив себе пальцы дверью. Марта осталась одна. Она стояла посреди комнаты, переводя взгляд с кипятка на вино, и в её глазах плескался первобытный ужас.

— Миледи, да как же... Вино-то кислятина, самое дешевое, барон его только для слуг держал. А воды-то столько зачем? Мыться вам сейчас никак нельзя, застудитесь...

— Подойди сюда, — я поманила её слабеющей рукой.

Жар выжигал меня изнутри. Я чувствовала, как на лбу выступает холодная испарина, а перед глазами начинают плавать яркие оранжевые пятна. Это был предел. Если я не сделаю этого сейчас, через час у меня просто не хватит сил разлепить веки.

Марта подошла, мелко крестясь.

— Руки, — я указала на лохань. — Мой их. Тщательно. А потом вылей на них вино. Все целиком, до локтей.

— Вином-то? — она ахнула. — Чистый перевод продукта...

— Мой! — я сорвалась на крик, который тут же перешел в судорожный кашель. — Это не продукт, Марта. Это твоя жизнь и моя. Делай!

Она подчинилась. Я наблюдала за ней, борясь с тошнотой. В нормальной жизни я бы потратила десять минут только на обработку кистей. Здесь у меня было только прокисшее вино, в котором спирта едва ли наберется десять градусов, и крутой кипяток.

Пока Марта, всхлипывая, терла ладони песком и поливала их вином, я проводила инвентаризацию «инструментов». На прикроватном столике, который Марта по моему приказу застелила относительно чистым льном, лежали: длинная игла для шитья, моток проваренной в кипятке нити, миска с липовым медом и острый нож, которым Берта обычно разделывала птицу. Нож я заставила прокалить в огне дочерна.

— Теперь слушай меня, — я заставила Марту склониться ниже. — Внутри меня осталась... грязь. Куски того, что должно было выйти вместе с ребенком. Они гниют. Если мы их не вытащим — я сгорю.

Марта побледнела так, что стала похожа на гипсовую маску.

— Я не смогу... Миледи, я ж не коновал, я только пови-
туха... Я не могу в живое тело руками лезть...

— Ты не в тело лезешь. Ты лезешь в рану, — я схватила её за запястье. Мои пальцы, тонкие и ледяные, впились в её кожу. — Представь, что ты вычищаешь колодец от падали. Если оставишь хоть горсть — вода отравит всю деревню. Ты будешь моими руками, Марта. Я буду говорить — ты будешь делать.

Я заставила её принести кожаный ремень — старый, потертый пояс покойного барона. Свернула его в несколько раз и засунула в рот. Зубы сразу ощутили вкус старой кожи и пыли. Это будет мой наркоз.

— Начинай.

Первый толчок боли был таким, что я едва не прокусила кожу ремня. Марта действовала неумело, её пальцы дрожали, она постоянно шептала молитвы, прерываясь на икающие всхлипы.

«Атония матки. Субинволюция. Остатки плацентарной ткани», — мой мозг привычно наклеивал ярлыки на этот кошмар, пытаюсь превратить мои страдания в клинический случай. Это помогало. Если я видела в себе не умирающую женщину, а объект операции, боль становилась... терпимее.

— Глубже, Марта! — прохрипела я, выплюнув ремень на секунду. — Сжимай... пальцами. Ты должна почувствовать что-то твердое, скользкое. Тащи это наружу!

Марта закричала. Коротко, задавленно. Она вытащила

окровавленный сгусток, который шлепнулся в таз с характерным влажным звуком. Я почувствовала, как по ногам потекло горячее. Кровотечение усилилось, но это была «хорошая» кровь — матка начала реагировать на механическое раздражение.

— Еще! Не останавливайся!

Я снова закусила ремень. Пот заливал глаза, мир сузился до размеров этой кровати и тяжелого дыхания Марты. В какой-то момент я почувствовала, что проваливаюсь. Темнота стала манить, обещая покой и отсутствие этой раздирающей пытки.

«Ксюша», — я вызвала этот образ в памяти. Ксюша смеется. Ксюша бежит по траве.

Я рывком вернулась в реальность.

— Вино! — я указала на кувшин. — Лей внутрь. Прямо туда.

Марта задрожала всем телом.

— Миледи, вы ж умрете от крика! Это ж как солью на рану!

— Лей, дура!

Когда холодная, кислая жидкость коснулась воспаленной ткани, я думала, что у меня остановится сердце. Тело выгнулось дугой, я слышала хруст собственных суставов. В ушах зазвенело, а рот наполнился привкусом меди. Я кусала ремень так, что челюсти сводило судорогой.

Но это был очищающий огонь.

— Теперь мед, — прохрипела я через вечность. — Обмажь иглу и нить. И зашивай. Там, где порвано.

Я диктовала ей каждый стежок. Марта, чьи руки теперь были по локоть в моей крови, вдруг перестала плакать. В ней проснулась та самая крестьянская сосредоточенность, с которой латают зимнюю одежду. Она шила аккуратно, стараясь не смотреть мне в лицо.

Я чувствовала каждый прокол. Кожа баронессы была тонкой, почти прозрачной.

— Последний, — выдохнула я, когда игла в последний раз вошла в плоть. — Завязывай узел. Крепко.

Когда всё было кончено, Марта просто осела на пол. Она сидела в луже воды и крови, прислонившись спиной к тяжелой ножке кровати, и смотрела на свои руки так, словно они ей больше не принадлежали.

Я лежала, не в силах пошевелить даже пальцем. Но внутри... внутри что-то изменилось. Тяжелый, гнилостный ком внизу живота исчез. На его месте была чистая, пульсирующая боль, но она была живой.

Я потянулась рукой к животу и нажала. Больно. Но матка... матка была твердой, как небольшой мяч. Она сократилась.

— Марта... — позвала я.

Старуха подняла голову. В её взгляде не было жалости. Там было что-то среднее между фанатичным обожанием и смертельным страхом. Она видела, как женщина сама, без

священника и магии, вытащила себя из могилы.

— Вино... — я указала на остатки в кувшине. — Дай мне. Пить.

Она поднялась, ноги её подкашивались. Подала мне кружку. Я пила жадно, давясь этой кислятиной, чувствуя, как алкоголь немного притупляет остроту ощущений.

— Убери здесь всё, — приказала я. — Гансу скажи, чтобы вымыл пол со щелоком. И пусть сожгут всё тряпье. Всё до единого лоскута.

— Да, миледи, — Марта склонила голову так низко, что едва не коснулась лбом моих колен. — Всё исполню. Вы только... отдохайте. Вы ведь теперь... святая, не иначе.

— Я не святая, Марта, — я закрыла глаза, чувствуя, как наваливается спасительный сон. — Я просто очень злая.

Лихорадка еще не ушла, я знала это. Ночью меня снова будет трясти, а организм будет бороться с остатками токсинов. Но главную опухоль мы вырезали.

Я засыпала под звуки того, как Марта скребет пол. В моем сне больше не было белого коридора. Там была я, в белом халате, стоящая посреди средневекового двора со скальпелем в руке. И за моей спиной стояла тень Ксюши.

«Я выжила, мышонок. Теперь твоя очередь подать знак».

Я провалилась в сон, зная, что завтра я проснусь другой. Баронесса Валери окончательно умерла на этом столе. Осталась только Валентина. И горе тому, кто встанет у неё на пути.

Глава 5(Дариан)

(от лица Дариана)

Снег на Севере не просто падал — он обживал пространство, превращая замок Ройс в ледяной склеп, где время замерзало в углах вместе с серой пылью. Я стоял у окна восточной башни, наблюдая, как метель стирает границы между небом и землей. Прошел месяц с той ночи, когда лихорадка отступила от моей Кассии, но радость спасения обернулась для меня испытанием, к которому я не был готов.

Я — Дариан Ройс, человек, чье имя заставляет содрогаться мятежных лордов, — пасовал перед восьмилетней девочкой.

— Милорд... — голос старой няньки Берты дрожал. — Леди Кассия... она снова отказалась от жареного кабана. Сказала, что это «холестериновая бомба» и что ей нужно «нормальное пюре без комочков».

Я вздохнул, чувствуя, как в висках начинает пульсировать знакомая боль.

— А еще она... — Берта замялась, сминая край передника. — Она потребовала «зубную щетку». Сказала, что не ляжет в постель, пока не вычистит «эмаль». Мы дали ей палочку мисвака и порошок из мела, но она посмотрела на это так, будто мы предложили ей яд.

— Иди, Берта. Я сам.

Я толкнул тяжелую дубовую дверь в покои дочери. Комната, которая раньше была полна кукол и вышивок, теперь выглядела странно. Куклы были заброшены в угол, а грифельная доска, на которой Кассия раньше прилежно выводила буквы псалмов, была испещрена непонятными рисунками.

Кассия сидела на широком подоконнике, обняв колени. Она выглядела здоровой — лихорадка больше не сжигала её тело, — но взгляд... В этом взгляде не было той кротости, к которой я привык за восемь лет. На меня смотрели глаза существа, которое знало о жизни гораздо больше, чем полагалось ребенку её возраста.

— Здравствуй, Кассия, — я постарался придать голосу мягкость, хотя мой бас всегда звучал как рокот обвала.

Она медленно повернула голову.

— Меня зовут Ксения, — повторила она в сотый раз за этот месяц. Спокойно, без истерики, с каким-то пугающим терпением. — Но так как вы всё равно не верите, можете называть меня как хотите. Только, пожалуйста, уберите от меня этот паштет. В нем слишком много жира, у меня от него изжога.

— Изжога? — я нахмурился, присаживаясь в кресло напротив. — Кассия, ты ребенок. У детей не бывает изжоги. Это болезнь стариков и обжор.

Она лишь тонко улыбнулась. Улыбка была горькой и совершенно взрослой.

— В этом теле, может, и не бывает. Но мой мозг помнит.

Я замолчал, разглядывая рисунки на доске. Тот самый квадрат с глазами в коротких штанах. И странная трубка, раздваивающаяся на концах.

— Что это, Ксения? — я намеренно назвал её так, видя, как в её глазах на мгновение вспыхнула искра надежды.

— Это стетоскоп, — она вздохнула. — Им слушают сердце и легкие. А это... это просто Губка Боб. Мой друг из другого... города.

— Сте-то-скоп, — я с трудом выговорил это слово. — Какое-то заклинание? Кассия, врачи говорят, что болезнь повредила твои воспоминания. Мэтр Орелиус настаивает на курсе очищающих ванн с солью.

Девочка спрыгнула с подоконника и подошла ко мне. Она была маленькой, хрупкой, её макушка едва доставала до моей груди, но я невольно выпрямился под её прямым взглядом.

— Ваш Орелиус — шарлатан, — четко сказала она. — Он не моет руки перед тем, как трогать раны. Он прикладывал мне к груди мощи, на которых слой пыли в палец толщиной. Если бы не мой иммунитет, я бы уже умерла от сепсиса.

Я застыл. Иммунитет? Сепсис? Она говорила на общем наречии, но слова были чужими, словно вырезанными из металла.

— Откуда ты знаешь эти слова? — я взял её за плечи, стараясь не сжимать слишком сильно. — Кассия, посмотри на меня. Я — твой отец. Я защищал тебя с первого твоего

вздоха. Расскажи мне правду. Кто научил тебя этому?

Её лицо внезапно дрогнуло. Твердая маска взрослого человека осыпалась, и передо мной снова оказалась маленькая, испуганная девочка.

— Мама Валя... — её голос сорвался. — Она хирург. Она спасает детей. Мы ехали в машине, было много снега... а потом... потом я оказалась здесь. Уйди, пожалуйста. Ты не мой папа. Мой папа... мой папа остался там. Он был плохой, он обидел маму. Но я хочу к ней. Где она?

Она зарыдала. Громко, по-детски, захлебываясь слезами. Я прижал её к себе, чувствуя, как её маленькое тело сотрясается от горя. Я гладил её по волосам, шептал какие-то глупости, а внутри меня разверзалась пропасть.

За этот месяц я трижды собирал консилиум. Лекари шептались в коридорах, качая головами. «Душевное расстройство», «Лихорадочный бред, ставший постоянным», «Подмена духа». Последнее пугало меня больше всего. Придворный маг, дряхлый старик, который едва видел дальше собственного носа, заикнулся об экзорцизме.

Я чуть не свернул ему шею прямо в тронном зале.

Никто не прикоснется к моей дочери с каленым железом или розгами «для изгнания бесов». Но что мне делать с этой новой Кассией? Она не умела вышивать — она забыла, как держать иглу. Она не хотела слушать сказки — она сама рассказывала мне истории о «больших железных птицах» и «домах до небес».

Она звала маму Валу. Валентину.

— Милорд, — в дверях появился Бран, мой капитан гвардии. Его лицо было озабоченным. — Прибыл гонец от архиепископа. Они прослышали о... необычном поведении леди Кассии. Намекают, что если светская медицина бессильна, церковь готова взять девочку на «перевоспитание» в монастырь Молчальниц.

Я почувствовал, как ярость, до этого тлевшая глубоко внутри, вспыхнула черным пламенем. Я осторожно отстранил от себя Ксению (я всё чаще мысленно называл её так) и поднялся во весь рост.

— Передай архиепископу: если его святоши приблизятся к замку Ройс ближе, чем на полет стрелы, я забуду о своем благочестии. Моя дочь останется здесь.

— Но милорд, — Бран понизил голос, — слухи ползут по замку. Слуги боятся. Она рисует демонов на доске. Она называет себя чужим именем. Если мы не найдем лекарство, если не вернем ей память... король может счесть её недееспособной наследницей. Ваши враги только этого и ждут.

Я посмотрел на дочку. Она снова сидела на подоконнике, вытирая слезы рукавом и безучастно глядя на метель.

— Месяц, Бран. Мы дали лекарям месяц, и они только и смогли, что предложить молитвы. Если этот мир не может её вылечить, я найду того, кто сможет.

— Кого, милорд? Все лучшие умы Севера уже были здесь. Я промолчал. В тот день я еще не знал, что далеко на Юге,

в разоренном баронстве Эвальд, молодая вдова уже неделю как встала на ноги. Я не знал, что она заставила слуг вымыть замок щелоком до скрипа, и что её первый пациент — кухаркин сын — уже бегают по двору, спасенный от «неминуемой смерти».

Я не слышал о женщине, которая говорит с болезнью на языке стали.

Но я чувствовал — где-то там, за пеленой снега, есть ответ.

— Ищи, Бран, — приказал я, глядя в спину дочери. — Разошли шпионов по всем провинциям. Ищите не магию. Ищите тех, кто творит невозможное руками. Ищите слухи о странных исцелениях. Любая зацепка. Любое имя.

Я подошел к доске и коснулся пальцем рисунка стетоскопа.

— Мышонок, — тихо сказал я, используя её слово. — Я не знаю, кто такая мама Валя. Но если она существует... я переверну этот мир, но приведу её к тебе. Только живи. Пожалуйста, просто живи.

Ксения обернулась. В её глазах, впервые за этот долгий, холодный месяц, промелькнуло что-то похожее на симпатию к этому огромному, суровому человеку в черных мехах.

— Мама Валя бы оценила вашу настойчивость, — прошептала она. — Только мойте руки, когда заходите в мою комнату. Здесь должен быть карантин.

Я не понял ни слова. Но я вышел из покоев с тяжелым

сердцем и непоколебимой решимостью.

Месяц ожидания закончился. Пришло время действовать. А пока я седлал коней в своих мыслях, на Юге баронесса Валери фон Эвальд впервые за месяц вышла на крыльцо своего замка, щурясь от яркого солнца и гадая, где в этом огромном, чужом мире искать её маленькую Ксюшу.

Две нити судьбы начали медленно стягиваться в узел. Но пока между ними были сотни миль снега, тысячи дорог и великая тайна, которую они обе еще боялись произнести вслух.

Глава 6

Запах хлорки — вот чего мне не хватало больше всего. В этом мире чистота пахла едким щелоком, горькой полыньёю и речным песком, которым мои девки под моим чутким (и весьма громким) руководством драили каменные полы замка Эвальд.

Прошел месяц. Мое новое тело, баронессы Валери, наконец-то перестало напоминать разбитую вазу, которую склеили впопыхах. Я могла ходить, не держась за стенку, могла глубоко дышать и, что самое важное, могла соображать.

Работа была моим единственным спасением. Стоило мне остановиться хоть на минуту, как перед глазами вставала заснеженная трасса и Ксюша. Мой маленький мышонок. Я запрещала себе плакать. Плач ослабляет, а мне нужны были силы, чтобы выжить в этом гадюшнике и найти способ раз узнать хоть что-то о судьбе дочери.

Я стояла в главном зале, потирая ноющую поясницу. Замок преобразился. Больше не воняло тухлятиной и немытыми телами. Ганс и Берта, поначалу считавшие меня помутившейся рассудком, теперь ходили по струнке. Мой ледяной взгляд и манера отдавать приказы не допускали возражений.

— Миледи... — Марта подошла ко мне, вытирая руки о передник. — Там эта... из флигеля. Опять требует вина и свежих простыней. Грозится, что если не дадим, она «на-

следнику» навредит.

Я медленно повернулась к ней. Кровь прилила к лицу.

«Эта» — это Элиза. Фаворитка моего покойного мужа, барона-пьяницы. Как оказалось, эта девица жила в гостевом флигеле последние полгода на правах «негласной хозяйки». Пока настоящая баронесса чахла в спальне от невнимания и тяжелой беременности, Элиза всю распоряжалась скудными запасами и, как мне доложили сегодня утром, начала потихоньку паковать столовое серебро в свои узлы.

— Наследнику, значит? — я усмехнулась, и эта улыбка не предвещала ничего доброго. — Ну что же, Марта. Пойдем, навестим будущую «мать». Как врач, я просто обязана провести осмотр.

Мы вышли во внутренний двор. Весна здесь была ранней и сырой. Грязь чавкала под моими туфлями, но я не замечала этого. В моей голове билась только одна мысль: мой земной муж, Игорь, тоже считал, что может тащить в наш дом всякий мусор. Барон Эвальд пошел дальше — он этот мусор здесь поселил.

Флигель встретил нас запахом дешевых притираний и непроветренного помещения. Элиза возлежала на кушетке, обложившись подушками, которые явно были украдены из моих покоев. Это была типичная «золотоискательница» всех времен: кукольное лицо, пустые глаза и апломб королевы бензоколонки.

— Наконец-то! — капризно протянула она, не потрудившись подняться. — Где мое вино? И почему в камине так мало дров? Вы забываетесь, баронесса. Я ношу дитя вашего мужа. Его единственного наследника. Если со мной что-то случится, кузен Густав вас по миру пустит.

Я прошла в центр комнаты и медленно сняла перчатки.

— Встань, — тихо сказала я.

Элиза вскинула брови.

— Что?

— Встань, когда с тобой говорит хозяйка этого дома, — мой голос прозвучал как удар хлыста. — И прекрати этот дешевый спектакль.

— Да как вы смеете! У меня токсикоз! — она попыталась прижать руку к животу, но сделала это слишком высоко, почти у ребер.

Я невольно хмыкнула. Анатомия явно не была ее сильной стороной.

— Токсикоз, говоришь? Марта, Ганс, Берта — все сюда! — крикнула я в открытую дверь. Слуги, любопытство которых было сильнее страха, тут же сгрудились на пороге. — Сейчас мы будем проводить обследование.

— Какое еще обследование?! — Элиза наконец-то вскочила, и ее лицо пошло красными пятнами. — Не трогайте

меня!

— Я — баронесса Эвальд, и в этом замке я решаю, кто болен, а кто симулирует, — я подошла к ней вплотную. — Ты заявляешь, что беременна. Три месяца, судя по твоим словам?

— Четыре! — выкрикнула она, пытаясь придать себе важный вид.

Я внимательно осмотрела ее лицо. Бледность? Нет, просто толстый слой белил. Отеки? Нет. Но кое-что я заметила сразу. Маленькие, едва заметные язвочки на губах и специфическая сыпь на шее, которую она пыталась скрыть кружевным воротником. А еще — расширенные зрачки и легкий тремор рук.

— Раздевайся, — приказала я.

— Что?! При слугах?!

— Ты в моем доме, на моем обеспечении и ешь мой хлеб, — я взяла со стола нож, которым она недавно резала яблоко, и покрутила его в руках. — Либо ты раздеваешься сама, либо я разрежу это платье прямо на тебе. Выбирай.

Элиза посмотрела на слуг, потом на меня. В моих глазах она увидела то, что обычно видят пациенты перед сложной операцией — полное отсутствие жалости и холодный профессионализм. Она начала трясущимися руками расшнуровывать корсет.

Когда платье упало к ее ногам, Берта охнула, а Марта быстро перекрестилась.

Живот Элизы был плоским. Более того, на коже бедер и живота отчетливо виднелась медно-красная сыпь в виде характерных «розеол».

— Посмотрите все, — я указала кончиком ножа, не касаясь кожи, на ее живот. — Видите ли вы здесь признаки «наследника»?

— Она просто... просто срок еще мал! — взвизгнула Элиза, прикрываясь руками.

— Срок вешать лапшу на уши закончен, — я брезгливо отвернулась. — Твой диагноз, дорогая, вовсе не беременность. Это «дурная болезнь». На Земле мы называли это сифилисом. Судя по стадии — вторая. И подхватила ты ее явно не от покойного барона, потому что у него, при всех его пороках, этих симптомов не было — я лично обследовала его тело перед погребением.

В комнате воцарилась гробовая тишина. В этом мире «дурная болезнь» была приговором. Позором, который нельзя смыть.

— Ты не носишь ребенка, Элиза, — продолжила я, надевая перчатки обратно. — Ты носишь заразу, которую разносишь по округе. Твоя «беременность» — это воспаленные лимфоузлы и вранье.

— Вы лжете! Вы просто хотите меня выжить! — она бросилась ко мне, пытаясь вцепиться в лицо, но Ганс вовремя перехватил ее за руки.

— Ганс, Берта, — я посмотрела на слуг. — Общайте ее вещи. Все, что принадлежит замку — забрать. Все ее тряпки — в узел.

— Вы не имеете права! — выла Элиза. — Я пожалуйюсь Густаву!

— Жалуйся кому угодно. Но прежде чем ты уйдешь, — я подошла к ней и прошептала на самое ухо: — Если я еще раз услышу, что ты околачиваешься возле моих земель, я лично приготовлю тебе состав, от которого твои зубы выпадут за одну ночь, а кожа слезет лоскутами. И поверь мне, как врачу — я знаю, как это сделать.

Ее глаза расширились от ужаса. Она поняла: прежней, мягкой Валери больше нет. На ее месте стояла женщина, которая видела смерть и не побоялась запустить в нее руки.

Через полчаса Элизу вышвырнули за ворота. Она уходила, проклиная всё и вся, таща на плече жалкий узел со своими вещами. Столовое серебро, аккуратно зашитое в подкладку ее плаща, Ганс нашел и вернул мне.

Я стояла на крыльце, наблюдая, как ее фигурка скрывается в тумане.

— Миледи... — Марта подошла ко мне, ее голос дрожал от волнения. — А ведь она и правда могла нас разорить. Кузен Густав только и ждал повода, чтобы заявить права на замок через «бастарда». Как вы узнали про болезнь?

— Глаза, Марта. Глаза и кожа никогда не врут тому, кто умеет смотреть, — я устало потерла переносицу. — Сожги-

те всё в том флигеле. Подушки, простыни, одежду, которую она носила. Промойте всё щелоком трижды. Мы не можем позволить заразе остаться здесь.

— Будет исполнено, — Марта поклонилась. — Вы... вы спасли нас, баронесса.

Я ничего не ответила. Спасла ли? Я просто удалила гнойный нарыв. Один из многих.

Вечером я сидела в своем кабинете — бывшей библиотеке барона, где пахло пылью и старым пергаментом. Передо мной лежал чистый лист бумаги. Я пыталась составить список трав, которые мне нужны для простейших антисептиков.

Вдруг дверь тихо отворилась. Вошла Берта, неся поднос с чаем.

— Миледи, там... на кухне... — она замялась. — Сын мой, Тимка. Руку обварил кипятком. Сильно. Кожа пузырями пошла. Я хотела навозом приложить, как бабка учила, но вспомнила, как вы с Элизой... Можете взглянуть?

Я поднялась, не раздумывая. Усталость как рукой сняло.

— Веди. И запомни, Берта: никогда, слышишь, никогда не прикладывай к ожогам навоз. Если хочешь, чтобы сын остался с рукой.

Спускаясь в кухню, я впервые за этот месяц почувствовала странное спокойствие. Я не знала, где моя Ксюша. Я не знала, что ждет меня завтра. Но здесь и сейчас я была на

своем месте.

Я была Врачом. И битва за этот мир только начиналась.

Валентина спасает поваренка, и слухи о ее методах (кипяток вместо навоза) начинают выходить за пределы кухни. Мы видим первое столкновение «науки» и «дремучести». Тем временем, где-то в лесах к замку уже присматриваются те, кто хочет нажиться на смерти барона.

Глава 7

Кухня встретила меня запахом пережаренного жира, дымом от сырых дров и истошным, надрывным плачем. Тимка, сын Берты — веснушчатый малец лет семи, — сидел на табурете, прижимая к груди правую руку. Кожа от локтя до кисти напоминала переспелый багряный томат, по которому уже пошли зловещие белые пузыри.

Берта, массивная, покрасневшая от жара печи и слез, уже занесла над сыном руку с увесистым куском... чего-то серо-коричневого.

— Стоять! — мой голос хлестнул по стенам не хуже ледяной воды.

Берта вздрогнула, едва не выронив «лекарство». В нос ударил характерный запах свежего коровьего навоза.

— Миледи... — пролепетала она, приседая в судорожном поклоне. — Да как же... Тимка-то, ошпарился, дурень. Я вот сейчас приложу, оно жар-то и вытянет. Моя бабка завсегда так делала, и ничего, все живы...

— Убери это немедленно, — я подошла ближе, чувствуя, как внутри закипает профессиональная ярость. — Ганс!

Хромой конюх, маячивший в дверях, вытянулся в струнку.

— Тащи из колодца два ведра самой холодной воды. Быстро! Марта, неси чистые льняные полотна, те, что мы вчера

кипятили. И мед. Чистый мед, без воска.

Кухня замерла. Дляних я сейчас совершала кощунство. Ожог — это огонь внутри, его надо «задобрить» землей или жиром. Холодная вода? Это же верная смерть от простуды, так им казалось.

— Чего стоите? — я обвела их взглядом хирурга, осматривающего нерадивых интернов. — Если через минуту воды не будет, Тимка останется калекой. Ганс, бегом!

Конюха словно ветром сдуло. Через пару минут он вернулся, расплескивая ледяную воду. Я заставила БERTУ держать руку сына над бадьей и медленно поливать ожог. Тимка сначала взвизгнул, порываясь убежать, но я крепко держала его за плечо.

— Тише, маленький. Сейчас станет легче. Просто дыши. Вдох-выдох, как большой.

Через десять минут багровый цвет начал тускнеть. Боль утихла — я видела это по тому, как расслабились плечи мальчишки.

— Теперь мед, — я взяла принесенную Мартой плошку.

Мед в этом мире был единственным доступным мне антисептиком. Я осторожно нанесла его на поврежденную кожу, стараясь не лопать пузыри, и наложила стерильную (насколько это было возможно в XV веке) повязку.

— Слушайте меня все, — я выпрямилась, вытирая руки. — Отныне в этом замке навоз — только для грядок. Если кто-то приложит грязь к открытой ране — вылетит за ворота

в тот же день. Берта, корми парня сытно, давай больше воды. Повязку не трогать, я сама сменю завтра.

Берта смотрела на меня с суеверным восторгом. Ее сын перестал кричать, и это было для нее чудом посильнее молитвы архиепископа.

Следующая неделя прошла под знаком великой чистки. Я превратила замок Эвальд в подобие своей клиники. Всё, что можно было отмыть, — отмывалось щелоком. Всё, что можно было проварить, — варилось в огромных чанах во дворе.

— Грязь — это не просто пятна на одежде, Марта, — наставляла я повитуху, пока мы разбирали запасы в старой аптекарской кладовой. — Грязь — это невидимые крошечные существа, которые едят нас изнутри. Они вызывают гной, они вызывают лихорадку.

Марта слушала, приоткрыв рот. Для нее мои слова звучали как новая религия, но она верила. После того как я сама себя «зашила», она верила каждому моему слову.

В кладовой я нашла сокровище — пучки сушеной календулы, ромашки, чистотела и шалфея. Но главное лежало в углу, в старом сыром ларе. Хлеб, забытый кем-то из слуг, покрылся густой, пушистой зелено-голубой плесенью.

Я замерла, глядя на этот грибок. Пенициллин. Настоящий, дикий. Конечно, я не могла выделить чистый антибиотик в этих условиях, но я знала, как использовать экстракт для мазей.

— Не выбрасывай это, — остановила я Марту, уже потянувшуюся к ларю. — Это лекарство.

— Это ж гниль, миледи!

— Для кого-то гниль, а для нас — жизнь.

Я начала восстанавливать аптекарский огород. Работа на земле успокаивала. Копаясь в грядках, я представляла, что Ксюша где-то там, под этим же солнцем. На Земле весна была бы другой — с запахом бензина и тающего асфальта. Здесь же весна пахла сырым черноземом и надеждой.

Каждый вечер я выходила на крепостную стену. Ветер шевелил мои волосы — волосы Валери были густыми и темными, совсем не такими, как мои привычные русые.

«Где ты, мышонок? — шептала я в пустоту. — Мама здесь. Мама наводит порядок. Мама скоро придет».

Слава о «светлой баронессе» росла. Ожог Тимки зажил удивительно быстро, не оставив уродливых рубцов. Конюх Ганс, которому я обработала застарелую язву на ноге своим «плесневелым составом», перестал хромать. Слуги из соседних деревень начали приходить к воротам с просьбами «просто взглянуть».

Я никому не отказывала. Мне нужна была практика, и мне нужны были преданные люди.

Но однажды вечером, когда я уже собиралась ложиться спать, в ворота замка забарабанили. Тяжело, настойчиво.

Я спустилась во двор, накинув на плечи тяжелый меховой плащ. Ганс уже открывал засов. В свете факелов стоял кре-

стьянин, на руках у него был сверток.

— Миледи! Помогите! — мужчина рухнул на колени прямо в грязь. — Дочка моя, Стеша... Третий день не ест, горло распухло, сипит, как забитая овца! Помирает, миледи! Лекарь из города сказал — бесы в ней, велел гроб зазывать!

Я подошла и откинула край одеяла. Девочка лет пяти. Кожа землистого цвета, губы синие, а каждый вдох сопровождался таким страшным свистом, что у меня похолодело внутри.

— Ложный круп или дифтерия, — мгновенно выдал мозг. — Отек гортани. Стеноз третьей степени.

Ребенок умирал от удушья. Счет шел на минуты.

— Неси ее в кухню! — скомандовала я, оборачиваясь к Марте. — Берта, живо освободи главный стол! Ганс, тащи мой саквояж и нож, что мы калили для Элизы.

— Что вы задумали, миледи? — Марта побледнела, глядя на синее лицо ребенка.

— Я собираюсь дать ей дышать, — я сорвалась на бег. — Смерть сегодня подождет за порогом.

Я не знала, что за этим спасением последует цепочка событий, которая приведет меня к графу Ройсу. Я просто видела ребенка, который не мог вдохнуть. И в этот момент я была готова перерезать горло самой судьбе, лишь бы спасти еще одну маленькую жизнь.

Валентина готовится к своей первой экстренной операции в этом мире — трахеостомии. Слуги в ужасе: «Баронесса собирается резать горло ребенку!». Это станет либо ее триумфом, либо концом ее репутации. А в это время на Севере Дариан Ройс получает первое донесение о «странной вдове-целительнице».

Глава 8

— На стол её! Живо! — мой голос хлестнул по кухонным сводам, перекрывая причитания Берты и всхлипы перепуганных поварят.

Крестьянин, пошатываясь, рванулся к массивному дубовому столу, на котором еще полчаса назад разделявали туши. Он бережно опустил сверток на доски. Девочка, Стеша, уже не плакала. Она только судорожно открывала рот, как вытщенная из воды плотва, и каждый её вдох сопровождался свистом, от которого у меня мороз шел по коже. Это был звук смерти, застрявшей в узком горле.

— Марта, держи её за плечи! — я сорвала с себя тяжелый меховой плащ, оставшись в простом платье с закатанными рукавами. — Берта, факелы ближе! Мне нужно видеть каждое движение. Ганс, саквояж!

В кухне запахло гарью, потом и страхом. Я видела лица своих слуг — они смотрели на меня не как на хозяйку, а как на безумную. В их понимании баронесса сейчас собиралась совершить ритуальное убийство.

— Миледи, что вы... — начал было отец девочки, заглядывая мне в глаза с немой мольбой. — Вы же не станете...

— Выйди вон, — отрезала я, не глядя на него. — Либо ты уходишь сейчас, либо смотришь, как твоя дочь синеет и затихает навсегда. Выбирай.

Мужчина попятился, наткнулся на косяк и сполз по нему на пол, закрыв лицо руками.

Я коснулась шеи Стеши. Кожа была горячей, пульс частил, нитевидный. Грудная клетка втягивалась на вдохе — классическая картина. Отек гортани не давал воздуху ни единого шанса. Еще минута, максимум две, и сердце ребенка остановится от гипоксии.

— Саквояж, — я протянула руку, не оборачиваясь.

Ганс сунул мне в ладонь тяжелый кожаный чехол. Яхватила нож — тот самый, узкий, с острым, как бритва, кончиком, который Берта использовала для тонкой нарезки. Я сама прокалила его на огне до черноты вчера вечером, словно чувствовала.

— Марта, если она дернется — мы её потеряем, — я посмотрела в глаза повитухе. Старуха была бледной, её губы тряслись, но она навалилась на плечи ребенка, фиксируя голову.

Я плеснула на шею девочки крепким вином. Стеша даже не вздрогнула — она уже начала проваливаться в забытие от недостатка кислорода.

«Спокойно, Валя, — приказала я себе, чувствуя, как внутри просыпается тот самый холодный, расчетливый механизм, который не раз спасал меня в операционной. — Это не средневековая кухня. Это операционная. Ты — лучший детский хирург. Ты делала это сотни раз».

Пальцы левой руки нащупали щитовидный хрящ, скольз-

нули ниже. Кольцевидный хрящ. Вот оно, нужное место. Крикотиреоидная связка.

— Свечи ближе! — рявкнула я.

Я приставила кончик ножа к коже. Рука не дрогнула. Один короткий, точный разрез. Кожа лопнула, выступила темная кровь. Слуги ахнули, Берта вскрикнула и закрыла рот краем передника.

— Не смотреть! — бросила я, не отвлекаясь.

Раздвинула края раны пальцами. Крови было немного, но в тусклом свете факелов всё казалось черным. Еще один укол — в саму связку. Раздался характерный, ни с чем не сравнимый звук: свист воздуха, врывающегося в трахею.

— Трубку! Марта, перо!

Я схватила заранее приготовленное гусиное перо. Я сама очистила его, отрезала кончик под углом и несколько минут кипятила в вине. Гладкое, полое, оно сейчас было ценнее любого золота.

Я осторожно вставила перо в разрез.

Стеша судорожно выдохнула, брызнув кровью мне на лицо и платье. А потом... она сделала первый, глубокий, полноценный вдох. Свист прекратился. На смену ему пришло ровное, жадное шипение воздуха, наполняющего легкие.

Я замерла, не убирая рук. Секунда, две, три... Синева с губ девочки начала медленно сходить. Кожа приобретала нормальный, розоватый оттенок. Она задышала.

В кухне воцарилась такая тишина, что было слышно, как

трещит фитиль в факеле.

— Жива... — выдохнула Берта, и по её щекам покатились слезы. — Господи всемогущий, она дышит!

Крестьянин у двери поднял голову. Он смотрел на меня с таким суеверным ужасом, что мне стало не по себе. Для него я только что совершила черную магию — разрешила горло его дочери, и та не умерла, а ожила.

Я аккуратно зафиксировала перо чистыми полосками льна, обвязав их вокруг шеи Стеши.

— Марта, вытирай её, — я отстранилась, чувствуя, как ноги внезапно стали ватными. Адреналиновый шторм утих, оставив после себя сосущую пустоту. — Следи, чтобы трубка не выскочила. И не вздумайте её вынимать, пока я не разрешу. Если она забьется слизью — промывай вином, как я учила.

Я подошла к лохани с водой и начала смывать кровь с рук. Вода окрашивалась в розовый цвет. Я смотрела на свои ладони — тонкие, аристократичные ладони баронессы Валери, которые сегодня стали инструментами хирурга.

— Как вы это сделали, миледи? — тихо спросил Ганс, подавая мне чистое полотенце. — Лекарь в городе говорит, что если горло закрылось — значит, душа хочет уйти. А вы... вы её силой назад вернули.

Я вытерла лицо, размазывая остатки крови по щекам.

— Душа тут ни при чем, Ганс. Просто телу нужен воздух. Если дверь закрыта — нужно прорубить окно. Вот и всё.

Я подошла к отцу Стеши. Мужчина всё еще сидел на полу, не смея приблизиться к столу.

— Вставай, — я коснулась его плеча. — Дочь твоя будет жить. Но ей нужен уход. Оставишь её здесь, в замке, под прищмотром Марты. Если заберешь в свою холодную избу — она умрет до утра.

— Всё исполню, миледи... — он схватил мою руку и прижался к ней лбом, омывая её слезами. — Святая вы... Истинная заступница. Весь приход за вас молиться будет!

— Не надо молитв, — я мягко высвободила руку. — Лучше принеси Берте дров. И скажи всем в деревне: если кто заболит — пусть идут сюда. Не к знахаркам с их навозом, а ко мне.

Когда девочку перенесли в теплую каморку рядом с кухней, я наконец вышла во двор. Ночной воздух был резким и чистым. Я смотрела на звезды — те же самые звезды, что светили мне на Земле. Там, в моем мире, сейчас, возможно, кто-то тоже делал трахеостомию, но в стерильной операционной, под светом мощных ламп.

А здесь моим «светом» была воля и память.

«Ксюша, — подумала я, глядя на бледный диск луны. — Я спасла её. Слышишь? Я не смогла спасти тебя там, на той трассе... Но здесь я не проиграю ни одной битвы».

Я не знала, что за моей спиной, в тених замковых стен, слуги уже перешептывались, называя меня «Доктором Баронессой». Я не знала, что слух об этой ночи разлетится по

провинции быстрее лесного пожара.

Для крестьян я была святой. Для церкви я скоро стану угрозой. А для графа Дариана Ройса, который в эту самую минуту на Севере слушал отчет своего шпиона, я стала последней надеждой.

— Баронесса Валери, значит... — прошептал Дариан, глядя на огонь в камине. — Режет горло, чтобы вернуть жизнь? Либо ты ведьма, либо ты та, кто мне нужен.

Но я об этом еще не знала. Я просто шла в свои покои, чувствуя, как внутри меня, на месте выжженной пустыни, начинает прорасти что-то новое. Жажда деятельности. Жажда борьбы.

Я — Валентина. И я пришла в этот мир не для того, чтобы тихо оплакивать свое горе. Я пришла, чтобы изменить его. И первая победа была за мной.

Засыпая, я впервые за месяц не видела аварию. Мне снилось, как я иду по цветущему саду, и маленькая девочка в белом платье машет мне рукой.

— Иди, мама, — шептала она. — Иди. У тебя еще много работы.

Я улыбнулась во сне. Битва только начиналась.

Глава 9

Солнце лениво ползло по стене кухни, выхватывая из полумрака пылинки, танцующие над столом. Я сидела на табурете, прислонившись затылком к холодному камню, и чувствовала, как подрагивают пальцы. Откат после ночной операции накрыл меня только сейчас. В голове еще стоял этот жуткий свист — звук, с которым воздух прорывался сквозь узкую трубку в легкие Стеши. Но девочка спала. Ровно, глубоко, без той страшной синевы на губах.

— Миледи, вы бы поели, — Берта осторожно поставила передо мной миску с густой похлебкой. — Совсем на вас лица нет. Глаза одни остались.

Я кивнула, не в силах вымолвить и слова. Взяла ложку, но едва поднесла её ко рту, как снаружи раздался конский топот. Не одиночный, валяжный шаг деревенской клячи, а drobный, резкий стук подкованных копыт. Несколько всадников.

Я мгновенно подобралась. Инстинкт врача — всегда ждать плохих новостей — сработал быстрее, чем я успела осознать, где нахожусь.

— Ганс! — позвала я, поднимаясь. — Кто там?

Конюх уже выглядывал в окно, прикрыв глаза ладонью от яркого света. Его лицо вдруг вытянулось, а плечи поникли.

— Хозяин Густав пожаловали, — пробормотал он, и в го-

лосе его прорезался такой явный страх, что у меня внутри всё сжалось в холодный комок. — Кузен покойного барона. Из города примчались, не иначе.

Я выпрямилась, расправляя плечи. Баронесса Валери в моей памяти отозвалась глухим, болезненным стоном. Густав. Сальный, самоуверенный любитель чужих денег и беззащитных женщин. Тот, кто годами ждал, когда мой «муж» окончательно пропьет остатки имения.

Я вышла на крыльцо именно в тот момент, когда трое всадников ввалились во двор, поднимая облако пыли. Возглавлял их мужчина лет сорока пяти в дорогом, но изрядно припыленном камзоле цвета перспелой сливы. Его лицо, обрюзглое и пористое, как старая губка, сияло от пота. Тонкие усики, тщательно напмаженные, нелепо топорщились над капризными губами.

Это был Густав фон Эвальд. Образец человека, который считает, что мир обязан ему просто по факту его рождения.

— Валери! — он соскочил с седла, не дожидаясь, пока конюх примет поводья. — Голубушка моя! Слышал, слышал печальные вести. Барон-то наш... эх, горе какое. Совсем себя не берег.

Он направился ко мне, раскинув руки для объятий, и от него пахло смесью дешевого одеколона, лошадиного пота и перегара. Я сделала шаг назад, сохраняя на лице выражение ледяной вежливости.

— Здравствуйте, Густав. Ваше сочувствие... трогательно.

Но боюсь, вы выбрали не самое удачное время для визита.

Густав замер, и его маленькие, заплывшие жиром глазки подозрительно сузились. Он явно ожидал увидеть заплаканную, раздавленную горем вдову, которая бросится ему на грудь в поисках защиты. А увидел женщину с прямой спиной и взглядом, от которого у него, кажется, зачесалась переносица.

— О, я вижу, траур пошел тебе на пользу, — он усмехнулся, бесцеремонно оглядывая меня с ног до головы. — Похорошела, расцвела. Неужто смерть супруга так бодрит?

— Смерть супруга — это юридический факт, требующий решения множества проблем, — я сложила руки на груди. — Чем обязана вашему приезду?

Густав хохотнул, подмигнув своим спутникам — двум крепким парням с лицами типичных вышибал.

— Юридический факт? Какие слова мы выучили! — он бесцеремонно прошел мимо меня в дом, даже не спросив разрешения. — Я приехал принять дела, Валери. Ты же понимаешь, замок Эвальд не может оставаться без мужской руки. Барон не оставил наследника. А по закону королевства, земли, не имеющие мужского преемника, переходят к ближайшему родственнику по мужской линии. То есть ко мне.

Он по-хозяйски уселся за стол в зале, на то самое место, где обычно сидел покойный барон, и брезгливо поморщился, заметив чистоту.

— Что это за вонь? — он потянул носом. — Пахнет как

в прачечной у монашек. Где хмель? Где запах нормальной жизни?

— Это пахнет чистотой, Густав, — я вошла следом, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. — А насчет наследника... баронство Эвальд — это вдовья доля, закрепленная за мной до конца моих дней, если я того пожелаю.

Густав вдруг перестал улыбаться. Он наклонился вперед, и его лицо стало удивительно похожим на морду хищного грызуна.

— До конца дней? — переспросил он тихо. — А долго ли продлятся эти дни, милая Валери? Ты же всегда была... слабенкой. Чахоточной. А тут еще эти слухи... — он неопределенно махнул рукой в сторону кухни. — Говорят, ты совсем с ума сошла. Режешь детей. Занимаешься черным колдовством. Церковь такие вещи не любит. Один донос — и ты окажешься в монастыре для умалишенных. Или на костре, если дознаватель попадется ревностный.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Он бил в самое больное. В этом мире профессионализм врача легко объявить сделкой с дьяволом.

— Я спасаю жизни, — твердо сказала я. — И если вы попытаетесь использовать это против меня, я найду способ защититься.

Густав вдруг поднялся. Он подошел ко мне слишком близко — так, что я почувствовала его жаркое, несвежее дыхание.

— Защититься? Как? — он протянул руку и грубо взял меня за подбородок. — Ты одна, Валери. Совсем одна. У тебя нет ни денег, ни покровителей, ни армии. Ты — пустоцвет. Женщина, которая не смогла родить даже одного живого ребенка.

Его пальцы больно впились в мою кожу. В голове вспыхнуло лицо Игоря — тот тоже любил говорить, что я «пустое место» без его связей и его фамилии. Внутри меня что-то окончательно оборвалось. Страх исчез, осталась только клиническая ясность.

— Пустоцвет, значит? — я перехватила его руку за запястье.

Густав хотел было усмехнуться, но я применила прием, который знала еще со времен учебы в медицинском институте — резко нажала на нервный узел между локтевой и лучевой костью. Его рука мгновенно онемела, пальцы разжались.

— Что за... — он отшатнулся, баюкая кисть.

Я не дала ему опомниться. Схватила со стола нож, которым Берта резала хлеб — тяжелый, острый, идеально сбалансированный. Одним движением я прижала его к шее Густава, прямо под челюстью.

Его спутники дернулись, но я рыкнула:

— Шаг — и я вскрою ему сонную артерию! Ганс, Берта — вон отсюда!

Слуги испарились за долю секунды. Мы остались вчетве-

ром. Двое верзил Густава замерли, не зная, что делать — их наниматель хрипел под моим ножом, и его глаза были полны неподдельного ужаса.

— Послушай меня внимательно, Густав, — я понизила голос до ледяного шепота, прижимая лезвие чуть сильнее. — Ты видишь этот нож? Я хирург. Я знаю каждую жилку, каждую мышцу в твоём теле. Если я нажму чуть сильнее — вот здесь, слева — кровь ударит фонтаном до самого потолка. Ты не успеешь даже вскрикнуть. Ты будешь жить ровно сорок секунд, захлебываясь собственной кровью, и никто — слышишь, никто в этом мире не сможет тебя спасти.

Густав сглотнул, и я почувствовала, как его кадык дернулся под сталью.

— Ты... ты сумасшедшая ведьма... — прохрипел он.

— Я — врач, — поправила я его. — И я не боюсь крови. Я видела её больше, чем ты — вина за всю свою никчемную жизнь. А теперь послушай моё условие. Ты сейчас разворачиваешься, садишься на своего коня и убираешься из моего замка.

— Это мой замок! — попытался он взбрыкнуть, но нож заставил его замолчать.

— Это мой дом, — отрезала я. — Если ты еще раз появишься на моих землях, я не буду угрожать. Я просто приду к тебе ночью. И поверь, я знаю такие составы, от которых человек умирает долго, мучительно, и ни один лекарь не найдет следов яда. Он решит, что это была обычная... грыжа.

Или водянка. Хочешь проверить?

В его глазах я увидела то, что хотела — животный, парализующий страх перед непонятным. Он не понимал, откуда у тихой Валери взялась эта стальная воля и знание анатомии, но он верил каждому моему слову. Потому что я говорила как человек, который точно знает, как убивать.

Я резко оттолкнула его. Густав едва не повалился на пол, судорожно хватаясь за горло.

— Пошли вон! — я указала ножом на дверь.

Верзила подхватили своего хозяина под локти и буквально вынесли его на улицу. Через минуту я услышала бешеный топот копыт, удаляющийся от замка.

Я опустила нож. Руки начали мелко дрожать. Я опустилась на скамью, чувствуя, как холодный пот течет по позвоночнику. Это была победа, но я знала — временная. Такие, как Густав, не прощают унижений. Он вернется. И в следующий раз он приведет не двух вышибал, а отряд наемников.

Мне нужна была защита. Настоящая, законная мощь, против которой Густав будет бессилен.

Я посмотрела на свои руки. В этом мире женщина без мужчины — ничто. Но я не собиралась искать мужа. Мне нужен был покровитель. Кто-то настолько влиятельный, что одного его имени хватит, чтобы Густав забился в самую глубокую нору.

В голове всплыли слухи, которые Ганс приносил с рынка. Север. Граф Ройс. Тот, кого называют Железным Волком.

Говорят, его дочь умирает, и он готов отдать полцарства тому, кто её спасет.

Я поднялась, чувствуя, как внутри кристаллизуется план. — Ксюша, — прошептала я, глядя в окно на серые тучи, ползущие с севера. — Я иду к тебе. И если этот граф — единственный, кто может дать мне силу, чтобы тебя найти... значит, я вылечу его дочь. Даже если мне придется воскресить её из мертвых.

Я не знала, что в этот самый момент Дариан Ройс уже отдал приказ своим людям найти «ту самую вдову». Мы двигались навстречу друг другу, подгоняемые ветром судьбы, и ни один из нас еще не подозревал, что эта встреча станет спасением не только для Кассии, но и для нас самих.

Но сейчас... сейчас я просто взяла тряпку и начала вытирать стол. Мой замок должен быть чистым. Мой замок должен быть готов к войне. А я... я должна была оставаться врачом до последнего вздоха.

Шакалы почуяли кровь, но они забыли, что раненая львица в сто раз опаснее сытого хищника. И я была готова это доказать.

Глава 10

Тяжелый запах можжевельника и застоявшейся пыли в библиотеке всегда помогал мне сосредоточиться, но сегодня он казался удушающим. Я сидел за массивным столом, заваленным свитками, и смотрел на грифельную доску, которую принесли из покоев Кассии по моему приказу.

На сером камне, неумело, но с поразительной настойчивостью, был нарисован желтый квадрат. У него были огромные глаза, тонкие палочки вместо рук и... короткие штаны. Рядом Ксения — я заставлял себя называть её Кассией, но в голове всё чаще всплывало это чужое, резкое имя — вывела странные символы. Я не знал этой письменности, хотя владел пятью языками сопредельных земель.

— Квадратный... Боб... — пробормотал я, пытаюсь распробовать слова, которые она шептала во сне.

Месяц. Прошел целый месяц с тех пор, как моя дочь восстала из мертвых. Её тело налилось силой, бледность сменилась здоровым румянцем, она снова начала есть, пусть и требовала при этом невозможного. Но она больше не была моей Кассией. Моя маленькая, тихая птичка, которая боялась громкого смеха и обожала слушать легенды о рыцарях, исчезла. На её месте поселился колючий, странный подросток в теле ребенка, который смотрел на меня с нескрываемым подозрением и какой-то взрослой, горькой иронией.

— Милорд, магистр Исидор прибыл, — голос капитана Брана за дверью вывел меня из оцепенения.

— Пусть войдет.

Двери распахнулись, пропуская мужчину в темно-синей мантии, расшитой серебряными звездами. Исидор считался лучшим целителем Севера. Он черпал силу из эфира, умел затягивать мелкие раны и снимать головную боль, но за этот месяц он не продвинулся ни на шаг в понимании того, что случилось с моей дочерью.

— Граф, — Исидор склонил голову, но в его жесте было больше высокомерия, чем почтения. Маги всегда считали себя выше мечей и законов. — Я изучил записи нянек и осмотрел рисунки леди Кассии. Мой вердикт неизменен.

Я сцепил пальцы в замок, чувствуя, как под кожей перекатываются желваки.

— И каков же он на этот раз? Снова «разлад соков»? Или, может, влияние ущербной луны?

Исидор проигнорировал мой сарказм. Он подошел к доске и безглаголиво коснулся мела.

— Это не болезнь тела, Дариан. И даже не болезнь ума. Это одержимость. В девочку вселился бес — возможно, из тех древних, что обитают в пустошах за Клыкастыми горами. Она называет себя чужим именем, она отрицает родство с вами, она бредит вещами, которых нет в подлунном мире.

«Макароны», «йогурт», «телевизор»... Это звуки бездны.

Я медленно поднялся. Я был на голову выше мага и вдвое шире его в плечах.

— Ты хочешь сказать, что моя дочь — ведьма?

— Я хочу сказать, что в этом теле больше нет вашей дочери, — отчеканил Исидор, не отводя глаз. — Это пустая оболочка, занятая сущностью. И эта сущность крепнет с каждым днем. Она просит «кетчуп» — я уверен, это код для вызова кровавого дождя.

Я едва не расхохотался от нелепости его слов, но ярость была сильнее.

— И какое же «лечение» предлагает нам великая магическая наука?

Исидор выпрямился, и в его голосе зазвучали фанатичные нотки.

— Монастырь Святых Молчальниц. Глухая келья, пост и ежедневное очищение розгами. Нужно сделать пребывание духа в этом теле невыносимым, чтобы он сам захотел его покинуть. А если не поможет — раскаленное железо к пяткам. Боль — лучший экзорцист.

В комнате внезапно стало очень тихо. Я слышал только свое собственное дыхание — тяжелое, размеренное, как у зверя перед прыжком. Перед глазами всплыло лицо Ксении.

Испуганное, заплаканное, но такое... живое. Она звала маму Валу. Она плакала по «Питеру», что бы это ни значило. Она не была бесом. Она была ребенком, который потерялся в чужом, холодном мире.

А этот напудренный индюк предлагал её пытаться.

— Розги? — переспросил я, делая шаг к нему.

— Это стандартная процедура, граф. Церковь одобряет...

Договорить он не успел. Мой кулак врезался точно в центр его длинного, холеного носа. Раздался отчетливый хруст, похожий на звук ломающейся сухой ветки. Магистр отлетел назад, впечатался в книжный шкаф, и на его безупречную мантию брызнула ярко-алая кровь.

— Милорд! — Бран в дверях схватился за рукоять меча, но, увидев, что происходит, просто замер.

Исидор сполз на пол, зажимая лицо руками. Из-под его пальцев хлестало.

— Вы... вы ударили мага! — прошепелявил он. — Это проклятие на весь ваш род! Совет магов не оставит это...

— Совет магов может пойти к черту вместе с тобой, — я перешагнул через его ноги и присел на корточки, хватая его за шиворот. — Послушай меня, «магистр». Если я еще раз увижу тебя в этом замке... Если ты хотя бы словом обмолвишься о розгах для моей дочери... я лично вырву тебе язык и скормлю его псам. Кассия останется здесь. Убирайся, пока я не решил проверить, как быстро твой эфир затянет рану

от моего кинжала.

Исидор, всхлипывая и размазывая кровь по лицу, пополз к выходу. Бран брезгливо посторонился, пропуская его.

Когда за магом закрылись двери, я тяжело опустился в кресло. Рука ныла — костяшки были разбиты в кровь.

— Бран, — позвал я.

— Да, милорд.

— Скажи нянькам, чтобы дали девочке всё, что она просит. Если хочет муку, яйца и сыр — пусть кухарка смешивает это в любые формы. Если хочет рисовать — несите ей лучшие краски и бумагу. И пусть больше никто не называет её одержимой.

Бран кивнул, но не ушел. Он подошел к столу и положил перед собой запечатанное письмо.

— Милорд, есть новости от наших шпионов с Юга. Вы просили следить за всеми необычными случаями исцелений.

Я рывком вскрыл печать.

«Баронство Эвальд. Вдова барона, леди Валери, вернулась с того света после тяжелых родов. За месяц превратила замок в госпиталь. Отрицает молитвы, использует кипяток и вино для очистки ран. На днях совершила невозможное: разрешила горло крестьянской девочке, которая задыхалась,插入了 туда птичье перо и заставила её дышать. Ребенок жив. В народе её называют Доктором Баронессой. Церковь копит на неё гнев, обвиняя в колдовстве без использования

эфира».

Я перечитал письмо трижды. «Разрезала горло, чтобы она дышала». Это было безумие. Дикость. Но это было именно то, о чем шептала Кассия в бреду — о врачах, которые режут, чтобы спасти. О маме Вале, которая «хирург».

— Бран, — я поднял глаза на капитана. — Собери отряд. Десять человек. Лучших. Тех, кто умеет держать язык за зубами.

— Мы едем на Юг? К этой вдове?

— Нет, Бран. Ты едешь. Я не могу оставить замок сейчас, когда Исидор побежит жаловаться королю. Ты поедешь в баронство Эвальд. Найди эту женщину. Посмотри, как она лечит. Если она та, о ком я думаю... вези её сюда.

— А если она откажется? — Бран нахмурился. — Баронесса — это не бродячая знахарка. У неё есть титул, есть замок.

Я посмотрел на разбитые костяшки своих пальцев.

— Предложи ей золото. Предложи ей защиту от церкви. Но если не поможет — вези силой. Скажи, что её ждет пациент, который говорит на её языке.

— На её языке? — не понял капитан.

— Просто скажи ей, что девочка просит «макароны» и «маму Валу». Если она — та, кто нам нужен, она сама вскочит в седло.

Бран поклонился и вышел. Я остался один.

За окном начинались сумерки. Северное небо окрасилось в багровые тона, предвещая бурю. Я подошел к доске и снова посмотрел на Губку Боба. Кто же ты такая, Ксения? И кто такая эта Валери фон Эвальд, которая режет плоть вопреки всем законам Божиим?

Я не верил в совпадения. Если две женщины вернулись с того света в одно и то же время, и одна из них ищет другую — значит, судьба играет с нами в очень странную игру.

Я подошел к двери покоев дочери и тихо приоткрыл её. Кассия сидела у окна. Она не плакала. Она просто смотрела на падающий снег.

— Мышонок? — позвал я.

Она вздрогнула. Обернулась. В её глазах на мгновение мелькнуло узнавание — нет, не отца, а просто человека, который не причинит вреда.

— Дядя Граф... — прошептала она. — Можно мне... просто кусочек хлеба с маслом? Без ваших жирных соусов?

— Будет тебе хлеб, Ксения, — сказал я, и сердце кольнуло от того, как легко это имя сорвалось с моих губ. — Потерпи немного. Я отправил людей. Скоро всё изменится.

Она кивнула, снова отворачиваясь к окну. А я стоял в дверях, понимая, что сегодня я объявил войну не только магистру Исидору, но и всему мироустройству нашего королевства. Но если эта «Доктор Баронесса» сможет вернуть блеск в глаза моей дочери — я готов сжечь этот мир дотла.

Битва за душу Кассии началась. И на этот раз я выбрал

свою сторону. Сторону ножа, кипятка и женщины, которая не боится крови.

Глава 11

Последний мешок овса в амбаре был больше похож на пыль, чем на еду. Я смотрела, как Берта горестно вытряхивает серую труху в котел, и понимала: наше время истекло. Ганс доложил еще на рассвете — люди Густава перекрыли обе дороги, ведущие к деревне. Мой замок, который я только-только начала отмывать от вековой грязи и тлена, превратился в ловушку.

Кузен Густав оказался злопамятнее, чем я предполагала. Видимо, ущемленное самолюбие и страх перед «ведьмой» подстегнули его лучше, чем жадность. Он не решился напасть открыто — всё же я была законной вдовой барона, — но решил уморить нас голодом.

— Миледи, Стеша сегодня сама съела целую миску размазни, — Марта вошла в кухню, и её голос был единственным светлым пятном в этом сером утре. — Дышит ровно, перо я промыла, как вы велели. Только слабенькая совсем.

Я кивнула, вытирая руки о передник. Маленькая пациентка с трубкой в горле шла на поправку, и это было моей главной победой. Но какой в этом толк, если завтра нам будет нечего положить в котел?

— Марта, Берта, слушайте меня, — я обвела их взглядом. — Густав не снимет осаду. Он ждет, когда мы сами приползем к нему на коленях. Или когда слуги начнут бунтовать.

— Мы не предадим, баронесса! — Берта ударила себя кулаком в грудь, но в её глазах застыли слезы. — Вы Тимку спасли, вы нас за людей считаете... Но есть-то нечего. Ганс говорит, в лесу за стенами уже не меньше двух десятков наемников Густава. Шакалы.

Я подошла к окну. Туман стелился по оврагам, скрывая тех, кто караулил нас в засаде. Мой план созрел еще ночью. Остаться здесь — значит медленно умирать. На Земле я привыкла бороться за пациентов до последнего удара сердца, и сейчас моим пациентом был весь этот замок.

— Мы уйдем, — сказала я тихо, но твердо. — Сегодня ночью. Через старый лаз в подвале, о котором Ганс рассказывал. Он ведет к ручью в овраге. Там густые заросли, лошадей не проведем, пойдем пешком.

— Куда же, миледи? — Марта всплеснула руками. — Кругом леса, волки...

— На север, — я посмотрела на горизонт, где небо казалось более тяжелым и свинцовым. — Там земли графа Ройса. Говорят, он суров, но справедлив. К тому же, если слухи верны, ему нужен врач. А я... я очень хороший врач.

Я не знала, ждет ли нас там спасение или новая клетка. Но я знала одно: Густаву я не достанусь. Память об Игоре, моем земном муже, научила меня одной важной вещи: если мужчина пытается тебя сломать, забирая средства к существованию — беги и не оглядывайся.

Весь день прошел в лихорадочных сборах. Я паковала

свой «медицинский саквояж» — единственное сокровище, которое у меня было. Сушеные травы, бутыл с очищенным вином, воск, проваренные нити. Я аккуратно завернула в чистую холстину нож, ставший моим скальпелем.

К вечеру напряжение в замке стало почти осязаемым. Слуги — те немногие, что остались, — перешептывались по углам. Ганс проверял старые арбалеты. Берта собирала остатки сухарей. Стешу мы решили нести на самодельных носилках — девочка еще не могла долго ходить.

Когда солнце скрылось за зубчатым краем леса, и на замок опустились густые сумерки, я вышла во двор. Холодный ветер забирался под плащ, напоминая, что весна на юге обманчива.

— Готовы? — спросила я Ганса.

— Почти, миледи. Лаз я расчистил, но там воды по колено...

Он не договорил.

Тишину вечера разорвал звук, от которого у меня внутри всё похолодело. Это был не робкий шаг коней Густава. Это был тяжелый, размеренный гром. Гул, от которого, казалось, начала вибрировать сама земля под ногами.

— Всадники! — закричал кто-то с надвратной башни. — Много всадников! Со стороны большой дороги!

— Густав решился? — прошептала Марта, хватаясь за мой рукав. — Неужто на штурм пойдет?

Я бросилась к лестнице, ведущей на стену. Сердце коло-

тилось в горле, ладони вспотели. Если это наемники Густава, наш план побега через лаз становится самоубийством — нас переловят в лесу, как зайцев.

Я поднялась на парапет и замерла.

С севера, прямо сквозь густеющий туман, к замку приближалась кавалькада. Это не были оборванцы в кожаных куртках. В свете первых факелов я увидела отблески стали. Тяжелые доспехи, ровный строй, мощные боевые кони. Впереди развевалось знамя — черное полотнище, на котором в свете огней скалился серебряный волк.

— Это не Густав, — выдохнул Ганс, поднявшийся следом. — Это северяне. Личная гвардия графа Ройса.

Мороз продрал меня по коже, и на этот раз не от ветра. О Железном Волке ходили легенды. Говорили, что он не знает милосердия к врагам и не терпит неповиновения. Что привело его людей в наше захудалое баронство? Неужели Исидор, тот самый маг, о котором шептались в деревне, всё же донес на мои «колдовские» методы?

Всадники остановились перед воротами с такой точностью, будто были единым механизмом. Гул копыт стих, сменившись тяжелым фырканием лошадей и лязгом сбруи.

— Баронесса Валери фон Эвальд! — голос, раздавшийся снизу, был глубоким и властным, он легко перекрыл шум ветра. — Откройте ворота именем наместника Севера, графа Дариана Ройса!

Ганс посмотрел на меня, его рука дрожала на рычаге во-

рот.

— Что делать, миледи? Если не откроем — выбьют. У них тараны на выючных лошадях.

Я посмотрела вниз. Высокий всадник на вороном коне выехал вперед. Его доспех был черен, а плащ оторочен густым мехом. В руках он держал тяжелое копье, но шлем был откинут, открывая суровое, обветренное лицо. Капитан. Его взгляд шарил по стенам, пока не остановился на мне.

Я чувствовала, как во мне поднимается странная смесь страха и профессионального любопытства. Эти люди не были похожи на грабителей. От них веяло дисциплиной и ледяным спокойствием — качествами, которые я ценила в своих анестезиологах.

— Спускаемся, — сказала я Гансу. — Открывай. Бежать уже поздно.

Мы спустились во двор. Ганс со скрипом отодвинул тяжелый засов. Створки ворот медленно разошлись, впуская холод и запах конского пота.

Всадники въехали во двор, заполняя его лязгом и мощью. Их было немного — человек десять-двенадцать, — но казалось, что сюда ворвалась целая армия. Они окружили нас полукольцом.

Капитан спешился, его сапоги тяжело ударили о камни. Он подошел ко мне, возвышаясь на целую голову. Его глаза были цвета северного неба — холодные и пронизательные.

— Баронесса? — спросил он, коротким кивком указывая

на мою осанку.

Я не склонила головы. Мой подбородок был задран, а руки, привыкшие к скальпелю, были плотно сжаты. В этот момент я не чувствовала себя жертвой. Я была врачом, к которому пришли незваные гости.

— Я баронесса Валери, — ответила я ровным голосом. — Чем обязан мой скромный дом визиту столь именитых гостей? У нас нет вина для пира и овса для ваших коней. Мой замок в осаде, как вы могли заметить.

Капитан едва заметно усмехнулся. В его взгляде проскользнуло что-то похожее на уважение.

— Мы заметили тех крыс в кустах, миледи. Мои люди разогнали их по дороге сюда. Думаю, ваш кузен еще долго будет залечивать ушибы.

— Вы разогнали людей Густава? — ахнула Марта за моей спиной.

— Мы не любим, когда на дорогах Севера стоят те, кто не имеет на то права, — отрезал капитан. Он шагнул ближе, и я невольно почувствовала исходящий от него жар — жар сильного, здорового тела. — Я капитан Бран. И я здесь не для того, чтобы пить ваше вино.

Он замолчал, внимательно изучая мое лицо, мои руки, моё простое, испачканное в травах платье.

— Говорят, вы творите чудеса, баронесса. Говорят, вы вернули жизнь ребенку, разрезав ему горло. Говорят, вы лечите не молитвами, а сталью и кипятком.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось. Вот оно. Обвинение.

— Я лечу так, как умею, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Если это преступление в ваших глазах — ведите меня к судье. Но знайте: каждый, кого я лечила, жив.

Бран вдруг круто развернулся и кивнул своим людям. Один из всадников соскочил с коня и поднес капитану запечатанный свиток.

— Вы ошибаетесь, миледи, — голос Брана стал тише и серьезнее. — Мы здесь не для того, чтобы судить вас. Мы здесь по приказу графа Дариана Ройса. Его дочь, леди Кассия, больна. Она выжила после лихорадки, но её разум... он во власти теней. Она говорит слова, которых мы не понимаем. Она рисует вещи, которых нет.

Я замерла. Кассия. Дочь графа. Мое сердце пропустило удар.... Ксюша... Неужели?

Бран сделал еще шаг, сокращая дистанцию до опасного предела.

— Граф приказал доставить вас в замок Ройс. Немедленно. Он сказал, что если вы та, о ком он думает — вы поймете, зачем вы нужны.

Я смотрела на него, и в моей голове вихрем неслись мысли. Это был шанс. Безумный, опасный, но единственный шанс вырваться из нищеты и найти Ксюшу. Если дочь графа — это моя дочь...

— Капитан, — я заставила свой голос звучать твердо. —

Я поеду с вами. Но я не пленница. У меня есть условия.

Бран вскинул бровь, явно не ожидая такой дерзости от вдовы из разоренного замка. Но в его глазах вспыхнул азарт.

— Условия? Баронесса, вы в положении, когда не выбирают.

— Ошибаетесь, капитан. Вы приехали за врачом. А врач, который работает под принуждением — плохой врач. Если граф хочет спасти свою дочь, он должен принять мои условия.

Я стояла посреди своего грязного двора, окруженная вооруженными до зубов северянами, и впервые за долгое время чувствовала себя в своей тарелке. Начинались переговоры. Битва за право быть собой.

И я была готова её выиграть.

Валентина сталкивается с мощью Севера. Она понимает, что это её путь к Ксюше, но её гордость и профессиональное достоинство не позволяют ей просто сдаться. Она ставит ультиматум капитану Брану, не зная, что за воротами Густав уже готовит новую подлость, а на Севере Дариан Ройс ждет её с нетерпением, которое граничит с безумием. Валентина делает шаг в неизвестность.

Глава 12

Капитан Бран стоял напротив меня, и от него исходил едва уловимый запах конской кожи, старой стали и морозного ветра. Его ладонь, закованная в латную перчатку, покоилась на эфесе меча с такой естественностью, будто это была часть его тела. Десять всадников за его спиной замерли, превратившись в статуи из железа и пара, вырывающегося из ноздрей их могучих коней.

— Ехать немедленно? — я повторила его слова, чувствуя, как внутри закипает холодная, расчетливая ярость. — Капитан, вы, должно быть, забыли, что я баронесса. А не служанка, которую можно свистом позвать к карете.

Бран чуть прищурился. В свете факелов его глаза казались осколками льда.

— Мой приказ однозначен, миледи. Графу Дариану Ройсу нет дела до этикета, когда жизнь его наследницы висит на волоске. Я здесь не для того, чтобы обсуждать вежливость.

Я сделала шаг вперед, сокращая дистанцию. В этом мире рост и сталь решали всё, но я знала то, чего не знали они. Я знала анатомию страха.

— Тогда слушайте меня внимательно, капитан. Вы приехали за врачом. А врач — это не кусок мяса в седле. Мне нужны мои инструменты, мои травы и мой разум. Если вы потащите меня силой, в кандалах или под конвоем, мой ра-

зум будет занят обидой, а руки будут дрожать. Вы готовы рискнуть головой леди Кассии ради того, чтобы показать мне свою власть?

Бран молчал. Я видела, как на его челюсти перекатились желваки. Он был профессионалом и понимал: я не блефую. В операционной хирург — бог. И сейчас моим операционным полем был этот грязный двор.

— Чего вы хотите? — процедил он сквозь зубы.

— Гарантий.

В этот момент за воротами замка послышался шум. Гнусное, приторное ржание и голос, который я узнала бы из тысячи. Густав.

— О, благородные рыцари! — кузен вылетел во двор на своем пегом мерине, едва не врезавшись в строй северян. — Вы схватили ведьму? Слава богам! Я уже шел на штурм, чтобы освободить эти земли от её скверны! Капитан, я Густав фон Эвальд, законный наследник этого замка. Позвольте мне забрать ключи, а вы везите эту женщину хоть на плаху, хоть к самому дьяволу!

Густав сиял. Его потное лицо лоснилось от жадности, а тонкие усики подергивались в предвкушении грабежа. Он был уверен, что северяне приехали исполнить его волю.

Я посмотрела на Брана. Тот перевел взгляд на Густава, и в его глазах отразилось такое глубокое, породистое отвращение, что мне захотелось улыбнуться. Для северного волка этот городской шакал был не более чем грязью на сапоге.

— Это и есть тот самый «осаждающий»? — сухо спросил Бран, обращаясь ко мне.

— Мой кузен, — ответила я, не сводя глаз с Густава. — Человек, который морил мой замок голодом и угрожал моим слугам.

Густав, не почуяв беды, затараторил еще быстрее:

— Совершенно верно! Она безумна! Она режет детей! Милорд капитан, вы же видите — замок в запустении, кругом вонь...

— Вонь здесь только от твоего языка, человечек, — Бран даже не обернулся к нему полностью.

Капитан снова посмотрел на меня.

— Ваши условия, баронесса. Говорите быстро. Мы теряем время.

Я глубоко вдохнула холодный воздух.

— Первое: этот слизняк убирается с моих земель прямо сейчас. И не просто уезжает, а под конвоем ваших людей до самой границы провинции, чтобы у него не возникло желания вернуться. Второе: на воротах замка Эвальд должен быть вывешен щит с гербом графа Ройса. Пока я лечу его дочь, мой дом — под его защитой. И третье: мои люди. Марта и Стеша едут со мной. В карете. Остальные остаются здесь, обеспеченные провизией из ваших запасов.

Густав охнул, его лицо пошло багровыми пятнами.

— Да как ты смеешь! Капитан, не слушайте её! Она ведь-ма! Она...

Бран медленно повернул голову к Густаву. В этом движении было столько скрытой угрозы, что кузен подавился следующим словом.

— Ты еще здесь? — тихо спросил капитан. — Я получил приказ доставить баронессу. И я вижу, что этот... господин мешает исполнению воли моего господина.

Бран кивнул своим людям. Двое всадников, не говоря ни слова, выехали из строя. Они просто прижали мерина Густава с двух сторон, так что тот едва не хрустнул ребрами. Один из северян, огромный детина с бородой до середины груди, взял лошадь кузена под уздцы.

— Милорд! Капитан! Это ошибка! — заверещал Густав, когда его начали разворачивать к воротам.

— Ошибкой было открывать рот в моем присутствии, — отрезал Бран. — Вышвырните его за черту баронства. Если обернется — укоротите на голову.

Я смотрела, как Густава, вопящего от несправедливости, уволакивают в ночную темноту. На душе стало удивительно легко. Это была маленькая, но очень важная месть — за Валери, которую он травил, за Ксюшу, из-за которой я оказалась здесь, и за себя, хирурга, который не привык отступать перед наглými подонками.

— Условия приняты? — я посмотрела на Брана.

— Приняты, — он коротко кивнул. — Мои люди оставят здесь охрану и обоз с провизией. Но вы, баронесса, будете в карете через десять минут. Или я всё же вспомню, что в моем приказе было слово «силой».

— Десяти минут мне хватит, — я развернулась к Марте. — Собирайся. Сложи все мои мази, мешочки с корой и те чистые бинты, что мы готовили. Стешу заверните в меха. Мы уезжаем.

Замок Эвальд наполнился суетой. Берта плакала, но на этот раз — от облегчения, глядя, как северяне выгружают из вычных сумок крупу, копченое мясо и круги сыра. Ганс, выпрямившись, принимал пост у ворот рядом с угрюмым северным стражником.

Я зашла в свою комнату в последний раз. Мой «саквояж» — переделанная кожаная сумка барона — уже стоял на столе. Я проверила инструменты. Нож, иглы, нити, прокипяченные в вине. Настойка полыни и чистотела. Это была моя артиллерия.

«Ксюша... я иду, — прошептала я, касаясь пальцами холодного металла ножа. — Если ты там, если ты действительно зовешь меня — держись. Мама уже в пути».

Когда я вышла на крыльцо, у ворот уже ждала карета. Тяжелая, обитая кожей, с гербом серебряного волка на дверце. Это не была роскошная колымага для прогулок — это был надежный транспорт для дальних дорог.

Бран лично открыл дверцу.

— Прошу, миледи.

Я вошла в карету. Внутри было тепло от жаровни с углями и пахло мехом. Марта уже сидела в углу, прижимая к себе спящую Стешу. Девочка дышала ровно сквозь трубку-перо, и этот звук был для меня лучшей музыкой.

Колеса кареты дрогнули, сминая грязь двора. Я смотрела в окно, как удаляются стены замка Эвальд, которые едва не стали моей могилой.

Мы выехали за ворота. Конвой северян окружил нас плотным кольцом. Факелы в руках всадников разгоняли ночную мглу, и в их свете я видела, как лес расступается перед мощью Севера.

Я откинулась на мягкое сиденье и закрыла глаза. Впереди был долгий путь. Неделя, а может, и больше по разбитым весенним дорогам. Там, на Севере, меня ждал Дариан Ройс — человек, который послал за мной армию. Человек, которого все боялись.

Но я не боялась. У меня был диагноз, был план лечения и была цель, ради которой я была готова переспорить даже смерть.

Я была доктором Валентиной. И если для того, чтобы спасти свою дочь, мне нужно было стать величайшим лекарем этого мира — я ею стану.

Карета качнулась на ухабе, и я провалилась в тяжелый,

но спокойный сон. Впервые за долгое время мне не снилась авария. Мне снился снег — чистый, белый, северный снег, который укрывал землю, обещая новое начало.

Битва за Юг была окончена. Начиналась битва за Север.

Глава 13

Колеса кареты, окованные тяжелым железом, в последний раз подпрыгнули на обледенелом стыке подъемного моста, и гулкий, рокошующий звук возвестил о том, что наше недельное затворничество в тесной коробке окончено.

Север встретил меня не цветами, а хлесткой пощечиной ледяного ветра. Стоило капитану Брану распахнуть дверцу, как в салон ворвался воздух, от которого мгновенно перехватило дыхание — колючий, пахнущий хвоей, замерзшей рекой и чем-то неумолимым. Это был запах власти.

— Мы на месте, баронесса, — Бран протянул мне

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.